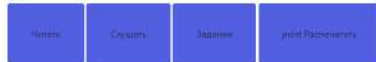

☐ Нормой режим
class settings

7. M.

Оглавление

- ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчёлами

Ну вот, перед вами Винни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вверх за своим другом Кристофером Роббином, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: Бу-у-бу-у-бу. Другого способа сойти с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минуту перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы! — сосредоточиться то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Выннел-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухо. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебедя произношением Пу-ух — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему маленькому, который он не пропало зря.

Если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал.

Хоббит, или Туда и обратно

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин, а она очень-очень любила его. Если называли Винни в честь Пука, или Пука называли в ее честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винки-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда пала дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчет сказки? — спросил Кристофер Робин.

— Что насчет сказки? — спросил папа.

— Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется

— Может быть, и вот бы, — сказал Гарт. — А какому ему хочется и про кого?

— Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКСИ медвежонка!

— Понимаю, — сказал папа.

— Так, пожалуйста, папочка, раскорми!

— Попробую, — сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Бинни-Пул жил в лесу один-одинешенек, под именем Сандерс.

— Что такое «жил под иваном»? — немедленно спросил Констабль Робин.

Попробуйте взглянуть на мир глазами ребенка, и вы вновь будете удивляться всему, как он

Тим Селдин	1933	1964	2004	1971
------------	------	------	------	------

— Это значит, что на досщечке над дверью было золотыми буквами:

— Зато теперь понял, — провозгласил кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

Вот однажды гуляя по лесу. Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий

Винни-Пук сел на тропу /

«Это — жужжик — непрост! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он еще подумал-подумал и сказал про себя: «А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мед? Для того, чтобы я его ел! По-моему, так ужже, а не иначе!

И с этими словами он пошел на дерево.

Он лез и лез, и все лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мед!

Почему? Кто поймет?

В самом деле, почему

Мед так нравится ему?

Вот он влез еще немножко повыше... и еще немножко... и еще совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-песенка:

Если б мишки были пчелами,

То они бы пчелами

Никогда и не побужали

Так высоко спрыгнуть вниз!

И тогда конечно, если бы

Пчелы

—это были мишки!

Нам бы, мишкам, было неважно

Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пчелка полумчалась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку — и...

ТРАХ!

— Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

— Эх, и зачем я только... — пробормотал он, пролетев еще метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего плох... — попытался он объяснить, стучувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

— А все из-за того, — признался он наконец, когда перевернулся еще три раза, пожевав всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колочий-преколочный терновый куст, — все из-за того, что я слишком люблю мед! Мама!...

Пух выкарабкался из тернового куста, выгнул из носа колочки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне? — переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились все больше и больше, а щечки все розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, а долее с зеленой дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.

— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

— Воздушного шара?

— Да, я как раз шел и думаю: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

— Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух отгнулся и, убедившись, что никого не подслушивает, прижал лгу к губам и сказал страшным шепотом:

— Мед.

— Что-о?

— Мед! — повторил Пух.

— Кто же это ходит за медом с воздушными шарами?

— Я хочу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечеру у своего друга Пятака, и там всем гостям дарили воздушные шары. Кристоферу Робину достался большущий зеленый шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Рождественник и Знакомый его не взял, потому что сам он был еще такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зеленый и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он, — Если хочешь достать мед — главное дело в том, чтобы пчелы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зеленый, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Веси, вопрос — чему они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что пчелам в голову придет? — Он подумал минуту и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая черная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказала Кристофер Робин.

И вопрос был решен.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил свое ружье, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом пошарил в одной знакомой луже и как следует вывалился в грязь, чтобы стать совсем-совсем черным, как настоящая тучка. Потом они стали подвешивать шар, держа его выдвигая за веревочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил веревочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и оставался там как раз на столько веревочке показанного дерева, только немного в стороне.

Читатель прожигает тысячу жужжик, прежде чем умрет. Человек, который никогда не читает, переживает только одну:

Джордж Мартин

сказ

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.

— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На мидеда, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую черную тучку разве не похож? — тревожно спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придет пчелам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чужь мед, он мог видеть мед, но достать мед он уви, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

— Кристофер Робин! — крикнул он шепотом.

— Чего?

— По-моему, пчелы что-то подозревают!

— Что именно?

— Не знаю я, но только, по-моему, они ведут себя подозрительно!

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мед?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчелам в голову придет!

Всё же наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперед, а сам поглядывай все время на меня и приговаривай: «Ты-ты-ты, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчелы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты, маленький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчелы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или не надо?

— Открыть, но только погоди минуту! Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть пчелиную царичу. Тебе ее встуда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Ты-ты-ты, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тучину Песню — такую, какую, наверно, поют все тучи в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся раскладывать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я тучка, тучка, тучка,

А совсем не медведь.

Ах, как приятно тучке

По небу летать!

Ах, е синем-синем небе

Парадок и уют

—

Потому все тучки

Так весело лают!

Но пчелы, как ни странно, жужжали все подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже выпетали из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг из минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тучка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец все понял. Это неправильные пчелы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мед, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше ступиться вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз еще и не подумал. Если он выпустит из лап веревочку, он угадет и опять бункет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он еще как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен обить шар из ружья. Ружье у тебя с собой?

— Конечно, с собой, — сказал Кристофер Робин. — Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, — сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — воскликнул Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста, — сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выводить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Прида, лачки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за веревочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевеливать, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось садывать ее: «Пух! Пух!»

И, может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно тогда-то его и назвали Пухом.

— Скажи, конец? — спросил Кристофер Робин.

— Конец этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили попить Сосисочного...

— А помнили они его?

— Нет.

— Где им? Ведь Пух совсем глупенький, А я его помню?

— Ну, услышишь — узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то все помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взяла медвежонка за заднюю лапу и пошел к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты приходишь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно, — сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки, — сказал папа.

Малышек кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лестнице: буи-буи-буи.

Ты часто бываешь на свете: один наворит бед, а другой за них отвечает.
Сказки Дядюшки Римуса

слове

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Винни-Пух пошёл в гости,, а попал в безвыходное положение

Как-то днем известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (истини, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел потянуть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонился, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, карауу, трии-пай-пай!

Ну, вот так и сочинялось, песенка ворчалась, и после завтрака Винни все время повторял ей про себя, все ворчал и ворчал, пока не выучил ее всю наизусть. Теперь он знал ее всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!

Трии-пай-пай-тара-раи-пай-пай!

Тари-тари-тари-ри,

Трии-пай-пай-тири-рии-пай-пай!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя —, а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим — наш Винни незаметно дошел до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух. (Трии-пай-пай-тара-раи-пай-пай) — Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это подкапывающая компания, а подкапывающая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И все такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух (громко-громко).

— Нет! — ответил чай-то голос. — И незачем так орать, — прибавил он, — я и в первый раз греюрасно тебя лопом.

— Простите! — сказал Винни-Пух. — А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос. Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет, — сказал Кролик. — По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда делался Кролик?

— Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Ой, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бываето разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказала Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни вошел в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав, — сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. — Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думаа, кто это?

— Ну, я думаю, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу нельзя пускаться в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно, А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности чаю, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед еще и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достает чашки и тарелки. А когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать — между или сложенного молока?» — Пух пришел в такой восторг, что выпалил: «И того и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показатьсяичне жадным, похореее добавил: «А хлеба можно вообще не давати».

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, музьякая что-то сладким-сладким голоском — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожел Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну, — замялся Пух, — я мог бы побить еще немного, если бы ты... если бы у тебя... — замялся он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря, — сказал Кролик, — я сам собирался пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда я я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве еще что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживившись.

Кролик взглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось!

— Я так и думал, — сачувственно сказала Пух, покаяние головой. — Ну, до свидания, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками. И спустя некоторое время не воле оказалось его нос... потом уши... потом передние лапы... потом лопатки... а потом... А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Еще потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперед!

И, наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай! спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперед!

— Охотишься? На кого?

— Выслеживаю кого-то! — таинственно ответил Пух.

Пятачок подошел к нему поближе:

— Выслеживаешь? Кого?

— Вот как раз об этом я все время сам себя спрашиваю, — сказал Пух. — В этом весь вопрос: кто это?

— А как ты думаешь, что ты отвечаешь на этот вопрос?

— Придется подождать, пока я с ним встречу, — сказал Винни-Пух. — Погляди-ка сюда. — Он показал на снег прямо перед собой. — Что ты тут видишь?

— Следы, — сказала Пятачок. — Отпечатки лап! — Пятачок даже влезил от волнения. — Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Буха!

— Может быть, — сказал Пух. — Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадывать?

Он заиспуганно зашагал вперед по следу, а Пятачок, помедлив минуту дружку, побежал за ним.

Внезапно Винни-Пух остановился и нагнулся к земле.

— В чем дело? — спросил Пятачок.

— Очень страшная вещь, — сказал медвежонок. — Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому — Неизвестно Кому — подошел другой — Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоем. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты подбавь со мной, а то вдруг это окажется Злая Зверь!

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятачки он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдет с Пухом, в особенности если там Настоящий Буха.

— Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Бухи, — утешил Винни-Пух, а Пятачок сказал, что это все равно, ведь до пятачки ему совершенно ничего делать.

И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Бухи, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже пошли вокруг рощицы. По пути Пятачок рассказывал Винни-Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Песторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на склоне лет начал страдать одинокой, и прочие другие занятные вещи.

А Пух все думал, как же этот дедушка выглядит. И ему пришло в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймает этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы все шли и шли перед ними...

Вдруг Винни-Пух снова остановился как вкопанный.

— Смотри! — закричал он шепотом и показала на снег:

— Куда! — тоже шепотом закричал Пятачок и подскочил от страха. Но, чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул еще разика два, как будто ему просто захотелось потрыпаться.

— Следы, — сказал Пух. — Появился третий зверь!

— Пух, — влезил ему Пятачок, — ты думаешь, это еще один Буха?

— Нет, не думаю, — сказал Пух. — Потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Бухи, а один, скажем... скажем, Бака... Или же, наоборот, два Баки, а один, скажем... скажем, Буха... Надо идти за ними, ничего не подлагивать.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями. И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый Дедушка Песторонним В. был бы сейчас тут, а не где-то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем совсем случайно, встретили Кристофера Робина, — конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина!...

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко. Перед ними были следы четырех зверей!

— Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Бухи и один Бака! Еще один Буха приближался...

Да, по-видимому, так и было! Следы, правда, немного путались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырех комплектов лап.

— Знаешь что? — сказал Пятачок, в свою очередь, облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает. — Знаешь что? По-моему, а что-то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно скорее пойти домой и сделать это дело.

— Давай сделаем это после обеда, — сказал Пух. — А тебе помочь.

— Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда, — поскорее сказал Пятачок. — Это такое специальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего после... Который час, ты говоришь?

— Часов двенадцать, — сказал Пух, поглядывая на солнце.

— Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут переого! Так что ты уж на меня не обижайся, а я... Ой, мама! Кто там?

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей-то шепот, взглянул на большой дуб и увидел кого-то на ветке.

— Да это же Кристофер Робин! — сказала он.

— А-а, ну тогда все в порядке, — сказал Пятачок. — с ним тебя никто не тронет. До свидания!

И он побежал домой, что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

— Глупечкий мой мишка, — сказал он, — чем это ты там занимаешься? Я смотрю, сначала ты один обошел два раза вокруг этой рощицы, потом Пятачок побегал за тобой, и вы стали ходить вдвоем... Сейчас, по-моему, вы собрались обойти не в четвертый раз по своим собственным следам...

— Минутку, — сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался — глубоко-глубоко. Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

— Да... — сказал он. — Теперь я понял, — добавил он. — Я даже не знал, что я такой глупый простопала! — сказал Винни-Пух. — Я самый беспомощный медвежонок на свете!

— Что ты. Ты самый лучший медвежонок на свете! — утешил его Кристофер Робин.

— Преврат! — спросил Пух. Он заметно утешился. И вдруг он совсем просил: — Что ни говори, а уже пора обедать, — сказал он. И он пошел домой обедать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Иа-Иа теряет хвост,, а Пух находит

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинешенек в заросшем чертополохом уголке леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьезных Вещах. Иногда он грустно думал «Почему?», а иногда «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чем же он собственно думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжелые шаги Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поддаться.

— Как самочувствие? — по обыкновению умно спросил он.

—, А как тебе? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень кэ! — сказал он. — Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как...

— Ай-ай-ай, — сказала Пух, — очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Иа-Иа продолжал стоять, покруто глядя в землю, и Винни-Пух обошел вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивленно.

—, А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

—, А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотри, — сказал Иа-Иа.

И он немедленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост: заметив, что ему никак не удается его достать, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

— Кажется, ты прав.

— Конечно, я прав, — сказал Пух.

— Это вполне естественно, — грустно сказал Иа-Иа, — Теперь все понятно. Удивляться не приходится.

— Ты, наверно, его где-нибудь утащишь, — сказал Винни-Пух.

— Наверно, его кто-нибудь утащил, — сказал Иа-Иа, — Чего от них ждать! — добавил он после большой паузы.

Пух мурлыкал, что он должен сказать что-нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместе этого сделать что-нибудь полезное.

— Иа-Иа, — торжественно произнес он, — я Винни-Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

— Спасибо, Пух, — сказал Иа, — Ты настоящий друг. Не то что некоторые!

И Винни-Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь-часным осенним утром. Маленькие прозорливые бабочки весело играли на синем небе. Они то набегали на колышущуюся траву, словно котом его закрывать, то поспешно убегали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого внимания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не опывая, казалась старой и потрепанной радостю с березками, надевшими новые зеленые куртки. Винни шагал мимо сосен и елок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручья и ручья, шагал среди гряд камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошел в Древний Лес, потому что именно так, в Древнем Лесу, жила Сова.

«А если кто-нибудь что-нибудь о чем-нибудь знает, — сказал медвежонку про себя, — то это, конечно, Сова. Имя я не Винни-Пух, — сказал он, — А я — он — добавил Винни-Пух, — Значит, все о порядке!»

Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и замок с ключом, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЗСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДРГАТЬ ЗСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Соба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всем Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать свое имя — Сове, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочел оба объявления, сначала слова направо, а потом — на тот случай, если он что-нибудь пропустил, — справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом он подергал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришел Медведь.

Двери открылись, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух, — сказала она, — Какие новости?

— Грустные и ужасные, — сказал Пух, — потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нем. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну, — сказала Сова, — обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит бычья Цедура? — сказал Пух, — Ты не забывай, что у меня в голове ослики и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока она означает это, я не возражаю, — смиренно сказал Пух.

— А сделать нужно следующее: во-первых, сообщить в прессу. Потом...

— Будь здорова, — сказал Пух, поднев лапу, — Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты читала, когда собирались охотцы.

— Я не читала.

— Нет, Сова, ты читала.

— Прости, пожалуйста, Пух, но я не читала. Нельзя же читать и не знать, что ты читаешь.

— Ну и нельзя знать, что кто-то читал, когда никто не читал.

— Я начала говорить: сперва сообщим...

— Ну вот ты опять! Будь здорова, — грустно сказал Винни-Пух.

— Сообщай о печаль, — очень громко и отчетливо сказала Сова, — дай в газету объявление и пообещай награду. Надо написать, что мы дали что-нибудь хорошее тому, кто найдет хвост Иа-Иа.

— Конечно, конечно, — сказал Пух кивая головой, — Кстати, насчет чего-нибудь хорошего: насчет, — продолжил он сонно, — в обычно как раз в это время не прочь бы чем-нибудь хорошим похвалить, — И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы, — Сидишь, кошечкой сгущенного молока или еще чем-нибудь, например, одним глотком меда...

— Ну вот, — сказала Сова, — мы, значит, напишем наше объявление, и его расскажет по всему Лесу.

«Пожалуйста, мед, — пробормотал медвежонку про себя, — или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились все длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала, и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

— Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на все, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «Нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чем идет речь.

— Как, ты их не видел? — спросила Сова, явно удивившись, — Подаем посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на замок и на объявление год или и взглянул на колокольчик и шнурок, который шел от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает, — сказал он, — но я не могу вспомнить что. Где ты его взял?

— Я как-то шел по лесу, а он бегал на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живет, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой и...

— Сова, — сказал Пух торжественно, — он кому-то очень нужен.

— Кому?

— Иа. Моему дорожному другу Иа. Он... он очень любил его.

— Любил его?

— Был привязан к нему, — грустно сказал Винни-Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и принес его хвату, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибыл хвост на место, Иа-Иа принялся носиться по Лесу, с такими веселыми размахивая хвостом, что у Винни-Пуха защебетало во всем теле и ему пришлось поспешнее побежать домой и немедленно поделаться.

Спустя полчаса утирая губы, он гордо спел:

Кто найдет хвост?

И Винни-Пух!

Около двух

Пух и Иа, идя по лесу, встретились с Сова.

Я пишу текст!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Пятачок встречает Слонопотама

Однажды когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и оказал, как будто между прочим:

— Эммец, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

— Ну, просто слончился — сказал Кристофер Робин. — По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел, — сказал Пятачок. — По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже, — сказал Пух, недумевая. «Интересно, кто же это такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас, — сказал Пятачок.

— Особенно в это время года, — сказал Пух.

Потом они заговорили о чем-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они ползли по тропинке на краю Древучего Леса, оба молчали; но когда они дошли до реки и стали помогать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: «Помнишь, Пух, что я хочу сказать?». А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Что с другой стороны, Пух, мы не должны забывать». А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустиť это из виду».

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух оглянулся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

— Пятачок, я что-то придумал.

— Что ты придумал, Пух?

— Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни-Пух несколько раз подрабинуил головой. Он ожидал, что Пятачок скажет: «Ну да!», или: «Да ну?», или: «Пух, не может быть!», или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок оторчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Я думаю поймать его, — сказал Пух, подождав еще немножко, — в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придется помочь мне, Пятачок.

— Пух, — сказал Пятачок, внезапно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым, — а тебе, конечно, помогу. — А потом он сказал: — А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

— В этом-то вся соль: как?

Они сели, чтобы обдумать свое предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову, — вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдет гулять и упадет в эту яму, и...

— Попаду? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадет?

Пух потер нос давил и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглаживая на небо — не пойдет ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее!... А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь все ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщен, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже все равно что пойман.

— Но, — сказал он, — осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в нее упадет.

— Но ведь он тогда увидит, как мы ее будем копать, — сказала Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

— А вдруг он случайно посмотрит вниз? — сказал Пух. — Тогда он может обо всем догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

— Да, это ни так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадаются...

— Наверно, поэтому, — согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, вытаскив друг из друга немножко колонок, опять сели, и все это время Пух говорил себе: «Эх, эх, если бы только я умел думать!...» Винни о глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у ослика в голове был настоящий ум, а не оплики...

— Прядолопки, — сказал он Пятачку: — ты бы хотел поймать меня. Как бы ты за это взялся?

— Ну, — сказала Пятачок, — я бы вот как сделал: я бы сделала западню, и я бы поставила туда приманку — горшок меда. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

— Да, я бы полез за ним туда, — изволнованно сказал Пух, — только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и я бы взял этот горшок с медом, и сперва я бы оближал только край, как будто там больше меда нет, понимаешь, а там отошел бы в сторону и подумал о нем немножко, а потом я бы вернулся и начал бы лизать с своей середины горшок, а потом...

— Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное — ты был бы в ловушке, и я бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, желуди, верно? У нас сейчас их очень много... Эх, Пух, очнулся!

Пух, который тем временем совсем размякся о меде, очнулся и даже подскочил и сказал, что мед гораздо приманочней, чем желуди. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом, но Пятачок вовремя сообразил, что если они будут клать в ловушку желуди, то желуди придется собирать ему, Пятачку, а если они положат туда мед, то его достанет Пух. Поэтому он сказал: «Очень хорошо, значит, мед!» — в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собирается сказать: «Очень хорошо, значит, желуди».

— Значит, мед, — повторил Пятачок для верности. — Я выкопаю яму, а ты сойдешь за медом.

— Отлично, — сказал Пух и побрел домой.

Придя домой, он подождал к бурету, влез на стул и достал с верхней полки большой-гребешный горшок меда. На горшке было написано «М и о т», но, чтобы удостовериться окончательно, Винни-Пух взял с него булавочку краешек и заглянул внутрь. Там действительно был мед.

— Но ручаться нельзя, — сказал Пух. — Я понимаю, мой дядя как-то говорил, что он однажды видел сыр точно-в-точку такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордочку и как следует лизнул.

— Да, — сказал он, — это он. Сомневаться не приходится. Полевой горшок меда. Конечно, если только никто не положиł туда на дно сыру — просто так, шулки ради. Может быть, мне лучше немножко улыбнуться, на случай... На тот случай, если Слонопотамы не любят сыру... как и я... Ах! — И он глубоко вздохнул. — Нет, я не ошибся. Чистый мед сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понес горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: «Принес?». А Пух сказал: «Да, но он не совсем

полный. Пятачок заглянул в горшок и спросил: «Эго все, что у тебя осталось?». А Пух сказал: «Да, потому что это была правда».

И вот Пятачок поставил горшок на дно Ямы, вылез оттуда, и они пошли домой.

— Ну, Пух, спокойной ночи, — сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха. — А завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы назовем Слонопотамов.

— До шести, Пятачок. А веревка у тебя найдется?

— Нет, А зачем тебе понадобилась веревка?

— Чтобы отвесить их домой.

— Ох... А я думаю, Слонопотамы идут не свист.

— Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ручаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

И Пятачок победил рысцой к своему дому, возле которого была доска с надписью «Посторонним В.н., а Винни-Пух лет спать».

Спусти несколько часов, когда ночь уже потихоньку убиралась восвояси, Пух внезапно проснулся от какого-то щемящего чувства. У него уже бывало раньше это щемящее чувство, и он знал, что оно означает ему хотелось есть.

Он поспешел к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту.

« Это странно, — подумал он, — я же знаю, что у меня там был горшок меду. Полный горшок, полный медом до самых краев, и на нем было написано «М и О т», чтобы я не ошибся. Очень, очень странно».

И он начал раскаиваться по комнате назад и вперед, раздумывая, куда же мог деваться горшок, и ворчал про себя песенку-ворчалку. Вот какую!

Куда мой мед деваться мог?

Ведь был полнейший горшок!

Он убежать лисам не мог —

Ведь у него же нету ког!

Не мог упасть он по реке

(Он без хвоста и плавилье),

Не мог зарыться он в песок...

Не мог, а все же — был такой!

Не мог улететь он в темный лес.

Не мог взлететь под небеса...

Не мог, а все-таки исчез!

Ну, это прямо чудеса!

Он проверял эту песню три раза и внезапно все вспомнил. Он же поставил горшок в Хитрую Западно для Слонопотамов!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух. — Вот что получается, когда чересчур заботаешься о Слонопотамах!

И он снова лег в постель.

На ему не спалось. Чем больше старался он уснуть, тем меньше у него получалось. Он попробовал считать овец — иногда это очень неплохой способ, —, но это не помогало. Он попробовал считать Слонопотамов, но это оказалось еще хуже, потому что каждый Слонопотам, которого он считал, сразу кидался на Пухов горшок с медом и все съедал до конца! Несколько минут Пух лежал и молча страдал, но когда пятьсот девяносто седьмой Слонопотам облил свои клыки и проорывал: «Очень несправедливо мед, пожалуйста, лучше его никогда не пробовал», Пух не выдержал. Он скатился с кровати, выбежал из дому и погнался напрямик к Шести Соснам.

Солнце еще не взошло в постели, но небо над Дремулч Лесом слегка светлело, как бы говоря, что солнышко уже просыпается и скоро вылезет из-под одеда. В рассветных сумерках Сосны казались грустными и одинокими. Очень Глубокая Яма казалась еще глубже, чем была, а горшок с медом, стоявший на дне, был совсем прозрачным, словно тень. Но когда Пух подошел поближе, нос сказал ему, что тут, конечно, мед, и язычок Пуха вылез наружу и стал облизывать губы.

— Жалко-жалко, — сказал Пух, сунув нос в горшок. — Слонопотам почти все съел!

Потом, подумав немножко, он добавил:

— Их нет, это в сам. Я позвонил.

К счастью, оказалось, что он съел не все. На самом дне горшка оставалось еще немножко меда, и Пух сунул голову в горшок и начал лизать и лизать...

Тем временем Пятачок тоже проснулся. Проснувшись, он сразу же сказал: «Ох, Потом, собравшись с духом, заявил: «Ну что же!... Придется», — закончил он отчаянно. Но все подождал у него трясина, потому что в ушах у него гремело страшное слово — СЛОНОПОТАМ!

Какой он, этот Слонопотам?

Неужели очень злой?

Идет ли он на свист?

И если идет, то з, а и в и т?...

Любит ли он поросят или нет?

И как он их любит?...

Если он ест поросят, то, может быть, он все-таки не тронет поросенка, у которого есть дедушка по имени Посторонним В?

Ведь Пятачок не знал, как отвечать на все эти вопросы, А ведь ему через какой-нибудь час предстояло впервые в жизни встретиться с настоящим Слонопотамом!

Может быть, лучше приспособиться, что заболела голова, и не ходить к Шести Соснам? Но куда будет очень хорошая погода и никакого Слонопотам в западне не окажется, а он, Пятачок, зря проваляется все утро в постели?

Что же делать?

И тут ему пришла в голову хитрая мысль. Он пойдет сейчас потихоньку к Шести Соснам, очень осторожно заглянет в западню и посмотрит, есть там Слонопотам или нет. Если он там, то он, Пятачок, вернется и ляжет в постель, а если нет, то он, конечно, не ляжет...

И Пятачок пошел. Сперва он думал, что, конечно, никакого Слонопотам там не окажется; потом стал думать, что нет, наверно, окажется когда же он подошел к западне, он был в этом совершенно уверен, потому что услышал, как тот слонотамит воюет!

— Ой-ой-ой! — сказал Пятачок. Ему очень захотелось убежать, Но он не мог. Раз он уже подошел так близко, нужно хотя одним глазком глянуть на живого Слонопотам. И вот он осторожно подполз сбоку к яме и заглянул туда...

А Винни-Пух все никак не мог выпустить голову из горшка с медом. Чем больше он тряс головой, тем крепче сидел горшок.

Пух кричал: «Мама», кричал: «Пятачок!», кричал и просто: «Ай-ай-ай», но все это не помогало. Он пытался стукнуть горшком обо что-нибудь, но, так как он не видел, обо что он стучит, и это не помогало. Он пытался вылезти из западни, но, так как он не видел ничего, кроме горшка (да и тот не видел), и это не получалось.

Совсем измучившись, он поднял голову (вместе с горшком) и издал отчаянный, жалобный вопль...

И именно в этот момент Пятачок заглянул в яму.

— Караул! Караул! — закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам! — И он помчался прочь, так что только лопы засверкали, продолжая вопить: — Караул! Слонопотам уползает! Караул! Потасный Слонопотам! Слонопотам! Слонопотам! Карасный Потослопотам...

Он вопил и сверкал гатками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чем дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, натягивая штанишки.

— Как-караул, — сказал Пятачок, который так заикался, что едва мог выговорить слово, — Ужас...потос... Слонопотам!

— Где?

— Вон там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он?

— У-у-ужасный! С вот такой головней! Ну прямо, прямо..., как... как не знаю что! Как горшок

— Ну, — сказал Кристофер Робин, надевая ботинки, — а должен на него посмотреть. Пошли.

Конечно, вдвоем с Кристофером Робино Пятачок ничего не боялся. И они пошли.

— Слышишь, слышишь? Это он — сказал Пятачок испуганно, когда они подошли поближе.

— Что-то слышу, — сказал Кристофер Робин.

Слонопотамы очень-очень большие. И Пятачок совсем не боится. Он пошел и начал облизывать лапы.

Словом, сучья, или медведи медведи, павылись, ползут по камням, по деревьям и горах, и делают много шума.

— Стой, дальше не ходят! — сказал Пятачок, крепко стиснув руку Кристофера Робина. — Ой, как страшно!..

И вдруг Кристофер Робин попался со смеху. Он хохотал и хохотал... хохотал и хохотал... И пока он хохотал, голова Сколопогама здорово ударилась о корень. Трах! — горшок разлетелся вдребезги. Бах! — и появилась голова Винни-Пуха.

И тут наконец Пятачок понял, каким он был глупый Пятачком. Ему стало так стыдно, что он стремглав помчался домой и лег в постель с головной болью, и в это утро он почти окончательно решил убежать из дому и стать моряком.

А Кристофер Робин и Пух отправились завтракать.

— Мишак! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя ужасно люблю!

— А я-то! — сказал Винни-Пух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой у Иа-Иа был день рождения,, а Пятачок чуть-чуть не улетел на Луну

Иа-Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и покурю смотрел в воду на свое отражение.

— Душераздирающее зрелище. — сказал он наконец. — Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрел вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешел ручей вброд и так же медленно побрел обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и снова посмотрел в воду.

— Я так и думаю, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в слышанье раздался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух — учило ответил Иа. — Если это утро доброе. В чем я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могу!, А некоторым и не приходится. Тут ничего не попишешь.

— Чего все не могу? — переспросил Пух, потерев нос.

— Веселиться. Петь, плакать и так далее. Под ореховым кустом.

— А-а, понятно... — сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: — Под какими ореховым кустом?

— Под которым орешки каменные — учило продолжал Иа-Иа. — Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалуюсь, но так оно и есть.

Пух ухватил на большой камень и попытался что-нибудь почнуть. Получилось, что-то вроде загадки, а Пух был слабоват по части загадок, поскольку в голове у него были ослики. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОВОК ЛЯТОК:

Вопрос мой прост и краток, —

Промолви Насторо, —

Моя лучшая — совок лаяток

Или ляток совок? —

Учи, никто не это:

Ответа

Дать не могу!

— Вот-вот, правильно. — сказал Иа-Иа. — Пой, пой. Трум-тум-тум-тири-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радости детижкам принесла. Веселись и развлекайся.

— Я веселился, — сказал Пух.

— Как-кому удается, — сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивленный.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки. — Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону. — Посмотри на именнинный пирог!

Пух посмотрел — сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он. — Именнинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет, — сказал Пух.

— Я тоже. — сказал Иа-Иа. — Это шутка. — объяснил он. — Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем обитый с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

— Ох! Ну, поздравляю тебя и желаю много-много счастья в этот день.

— И я тебя поздравляю и желаю много-много счастья в этот день, медвежонок Пух.

— Но ведь сегодня не мой день рождения.

— Нет, не твой, а мой.

— А ты говоришь: желаю тебе счастья в этот день.

— Ну и что же? Разве ты хочешь быть несчастным в мой день рождения?

— А, понятно. — сказала Пух.

— Хахат и того, — сказал Иа-Иа, чуть не плача. — Хахат и того, что я сам такой несчастный — без подарков и без именнинного пирога, и вообще позабывший и позаброшенный, а уж если все остальные будут несчастны...

Этого Винни-Пух уже не вынес.

— Постой тут! — крикнул он и со всех ног помчался домой. Он почувствовал, что должен немедленно преподнести бедному ослику что-то-нибудь, а потом у него всегда будет время подумать о Настоящем Подарке.

Возле своего дома он напукнулся на Пятачка, который прыгал у двери, стараясь достать кнопку звонка.

— Здравствуй, Пятачок, — сказал Винни-Пух.

— Здравствуй, Винни, — сказал Пятачок.

— Что это ты делаешь?

— Я стараюсь позвонить, — объяснил Пятачок. — Я тут шел мимо и...

— Давая я тебе помощь, — сказал Пух услужливо. Он подошел к двери и нажал кнопку. — А я только что видел Иа. — начал он. — Бедный ослик ужасно расстроен, потому что у него сегодня день рождения, а все-то никак нельзя, и он очень погорючил — ты ведь знаешь, как он умеет. — ну и вот он такой погорючил, а я... Да что же это нам никто не стесывает — поэтому они все там, что ли? — И Пух снова позвонил.

— Пух, — сказал Пятачок. — Это же твой собственный дом!

— А-а, — сказал Пух. — Ну да, верно! Тогда давай войдем!

И они вошли в дом.

Пух первым делом подошел к буфету, чтобы удостовериться, есть ли у него подходящий, не особенно большой горшочек с медом. Горшочек оказался на месте, и Пух снял его с полки.

— Я его стесу Иа, — объяснил он. — В подарок, А ты что ему думаешь подарить?

— А можно, я тоже его подарю? — спросил Пятачок. — Как будто от нас обоих.

— Нет, — сказал Пух. — Это ты плохо придумаешь.

— Ну, тогда ладно. Я подарю Иа воздушный шарик. У меня остался один от праздника. Я сейчас за ним схожу, хорошо?

— Вот это ты очень хорошо придумал, Пятачок! Ведь Иа нужно развеселить, А с воздушным шариком кто хочешь развеселится! Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!

Ну, и Пятачок пустился рысцой домой, а Пух с горшочком меду направился к ручью.

День был жаркий, а путь неблизкий, и, не пройдя и полпути, Пух вдруг почувствовал какое-то странное шевеление. Сначала у него защебетало в носу, потом в горле, а потом заскользило под ложечкой и так постепенно дошло до самых плеч. Казалось, словно кто-то внутри у него говорит: «Знаешь, Пух, сейчас самое время чем-нибудь накормиться...»

— Ай-ай, — сказала Пух, — я и не знал, что уже так поздно!

Он сел на землю и сник крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой, — сказал он, — Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы завалить с собой то, чем можно невозможно поделиться...

— А теперь подумай, — сказал он, в последний раз облизав донце горшка, — подумай, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа. Винни-Пух не спеша встал. И тут он вдруг все вспомнил. Он же съел Подарок!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, — Что мне делать? Я же должен подарить ему что-нибудь! Ай-ай-ай-ай-ай!

Сперва он прямо не знал, что и думать. А потом он подумал:

«Все-таки это очень хороший горшок, хотя в нем и нет меда. Если я его как-то следует вымыть и попросу кого-нибудь написать на нем: «Поздравлю с днем рождения. Иа сможет держать в нем все, что хочешь. Это будет полезная вещь!»

И так как он в это время был недалеко от Дома Совы —, а все в Лесу были уверены, что Сова прекрасно умеет писать, — он решил зайти к ней в гости.

— Доброе утро, Сова! — сказал Пух.

— Доброе утро, Пух! — ответила Сова.

— Поздравлю тебя с днем рождения Иа-Иа, — сказал Пух.

— Вот как? — удивилась Сова.

— Да, А что ты ему думаешь подарить?

— А ты что думаешь ему подарить?

— Я несу ему в подарок Полезный Горшок, в котором можно держать все, что хочешь, — сказал Пух. — И я хотел попросить тебя...

— Вот этот? — спросила Сова, взяв горшок из лапок Пуха.

— Да, и я хотел попросить тебя...

— Тут когда-то держали мед, — сказала Сова.

— В нем можно что хочешь держать, — серьезно сказал Пух. — Это очень, очень полезная вещь. И я хотел попросить тебя...

— Ты бы написал на нем: «Поздравлю с днем рождения».

— Так вот об этом я и пришел тебя попросить! — объяснил наконец Пух. — Потому что у меня правильное написание какое-то хроное. Вообще-то оно хорошее правильное написание, но только почему-то хромает и буквы оглаживают... на свои места. Ты напишешь на нем: «Поздравлю с днем рождения? Очень тебя прошу!

— Полезный горшок», — сказала Сова, оглядев горшок со всех сторон. — А можно, я его тоже подарю? Пусть это будет наш общий подарок.

— Нет, — сказал Пух. — Это ты плоховато придумала. Давай я лучше его сперва помою, а потом ты на нем все напишешь.

И вот он вымыл горшок и вытер его досуха, а Сова тем временем мусолила кончик своего карандаша и думала, как же пишется слово «Поздравлен».

— Пух, а ты умеешь читать? — спросила она не без тревоги в голосе. — Вот, например, у меня на двери висит объявление, как звонить, — это мне Кристофер Робин написал. Ты можешь его прочесть?

— Кристофер Робин сказал мне, что там написано, и тогда я уж смог, — ответил Пух.

— Очень хорошо! Вот и я тоже скажу тебе, что тут на горшке будет написано, и тогда ты сможешь прочитать!

И Сова начала писать. Вот что она написала:

«Про зря или ели сднее мращ дая про зря или ели вли»

Пух с восхищением посмотрел на эту надпись.

— Я тут написала: «Поздравлю с днем рождения», — небрежно заметила Сова.

— Вот это надпись так надпись! — с уважением сказал Винни-Пух.

— Ну, если уж все тебе сказать, тут написано полностью так: «Поздравлю с днем рождения, желаю всего-всего хорошего, Твоей Пух». Я не считалась с расходом графита.

— Чего? — спросил Пух.

— Тут одного карандаша сколько пошло! — пояснила Сова.

— Еще был — сказал Пух.

Тем временем Пятачок успел сбежать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа-Иа, понесся во весь дух, крепко прижимая воздушный шар к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок успел обещать, чтобы поехать и Иа-Иа раньше Пуха ему попыток первыми преподнести Осному подарку, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки. Он так спешил и так закрутился о том, как Иа-Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в машинную норку, а бедный Пятачок покатил носом вниз. БУМ!!!

Пятачок лежал на земле, не понимая, что же произошло. Сперва он подумал, что весь мир взлетел на воздух, потом он подумал, что, может быть, только их любимый Лес, еще потом — что, может быть, только он, Пятачок, взлетел и сейчас он один-одинешенек лежит где-нибудь на Луне и никогда-никогда не увидит больше ни Пуха, ни Кристофера Робина, ни Иа... И тут ему пришло в голову, что даже и на Луне не обязательно все время лежать носом вниз. Он осторожно встал, осмотрелся кругом.

Он все еще был в Лесу!

— Очень интересно! — подумал он. — Интересно, что же это был за Бум? Не мог же я сам наделать столько шума, когда упал! И где, интересно, мой шар? И откуда, интересно, взялась тут эта тропинка?»

О ужас! Эта тропинка — это и был, именно был! — его воздушный шар!

— Ой, маме! — сказала Пятачок. — Ой, маме, ой, мамочка, ой, маме, маме! Ну что ж... Теперь делать нечего. Возвращаться назад нельзя. Другого шара у меня нет... Может быть, Иа-Иа не так уж любит воздушные шары?...

И он побежал дальше. По правде сказать, бежал он уже не очень весело, но все же скоро он добежал до того самого места, где стоял Иа-Иа и по-прежнему смотрел на свое отражение в воде.

— Доброе утро, Иа! — крикнул Пятачок еще издали.

— Доброе утро, маленький Пятачок, — сказал Иа-Иа. — Если это утро — доброе, — добавил он, — я чем я лично сожалею. Но это невозможно.

— Поздравляю тебя с днем рождения, — сказал Пятачок, подходя тем временем поближе.

Иа оторвался от своего занятия и уставился на Пятачка.

— Повтори-ка, повтори, — сказал он.

— Поздравь...

— Минуточку...

С трудом держа на трех ногах, Иа стал осторожно поднимать четвертую ногу к уху.

— Я вчера этому научился, — пояснил он, упав в третий раз. — Это очень просто, а главное, я так лучше слышу. Ну вот, все в порядке. Так как ты сказал, повтори, — произнес он, с помощью копыта наставив ухо вперед.

— Поздравляю с днем рождения, — повторил Пятачок.

— Это ты меня?

— Конечно, Иа-Иа.

— С моим днем рождения?

— Да.

— Значит, у меня настоящий день рождения?

— Конечно. И я принес тебе подарок.

Иа-Иа медленно опустил правую ногу и с маленьким трудом поднял левую.

— Я хочу послушать еще другим ухом. — пояснил он. — Теперь говори.

— Го-да-фонс — послорил Пятачок очень громко.

— Мне?

— Да.

— К дню рождения?

— Конечно!

— Значит, у меня получится настоящий день рождения?

— Конечно! И я принес тебе воздушный шар.

— Воздушный шар? — сказал Иа-Иа. — Ты сказал — воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их еще надувают? Песни-пляски, гол-гол-гол и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень осторожен... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, как жаль! Ты, наверно, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но он... он... Ок. Иа, он лопнул.

Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа-Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой деньрожденный подарок?

— Да, Иа. — сказал Пятачок, слегка хлопая носом. — Вот он. Поздравляю тебя с днем рождения.

И он подарил Иа-Иа резиновую тропежку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивленный.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

— Да.

— Спасибо, Пятачок. — сказал Иа. — Извини, пожалуйста. — продолжал он. — но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

— Красного.

«Подумать только! Красного... Мой любимый цвет!», — пробормотал Иа-Иа про себя.

— А какого размера?

— Почти с меня.

— Да? Подумать только, почти с тобой... Мой любимый размер! — грустно сказал Иа-Иа себе под нос. — Так, так.

Пятачок чувствовал себя очень виновато и прямо не знал, что говорить. Он то и дело открывал рот, собираясь что-нибудь сказать, но тут же рывал, что именно этого говорить-то и не стоит. И вдруг, на его счастье, с того берега ручья их кто-то окликнул. То был Пух.

— Желая много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это говорил.

— Спасибо, Пух, мне уже поспешилось! — уныло ответил Иа-Иа.

— Я принес тебе подарки! — продолжал Пух радостно.

— Есть у меня подарочек. — отвечал Иа-Иа.

Тем временем Пух перебрался через ручей и подошел к Иа-Иа. Пятачок сидел немного поодаль, хлопая носом.

— Вот он. — объявил Пух. — Это — Очень Полезный Горшок. А на нем знаешь чего написано? «Поздравляю с днем рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух. Вот сколько всего написано! И в него можно класть что хочешь. Держи! Иа-Иа, увидев горшок, очень оживился.

— Вот это да! — закричал он. — Знаете что? Мой шарик как раз войдет в этот горшок!

— Что ты, что ты, Иа. — сказал Пух. — Воздушные шары не входят в горшки. Они слишком большие. Ты с ними не умеешь обращаться. Нужно вот как: возьми шарик за веревку...

— Это другие шары не входят, а мой входит, — с гордостью сказал Иа-Иа. — Гляди, Пятачок!

Пятачок грустно оглянулся, а Иа-Иа свалил свой бывший шарик зубками и осторожно положил его в горшок, потом он достал его и положил на землю, а потом снова поднял и осторожно положил обратно.

— Выходит! — закричал Пух. — Я хочу сказать, он входит!

— Входит! — закричал Пятачок. — И выходит!

— Здорово выходит! — закричал Иа-Иа. — Входит и выходит — прямо замечательно!

— Мне очень приятно. — радостно сказал Пух. — что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какое хочешь вещь!

— А мне очень приятно. — радостно сказал Пятачок. — что я догадался подарить тебе такую вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа-Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кенга и крошка Ру появляются в лесу,, а Пятачок принимает ванну

Никто не знал, откуда они пришли, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и крошка Ру.

Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?». А Кристофер Робин ответил: «Обычным путем. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и сказал: «Обычным путем. Угу. Угу». И отправился к своему другу пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос времени.

— Мне вот что не нравится. — сказала Кролик. — вот мы тут живем — ты, Пух, и ты, Поросенок, и я, — и вдруг...

— И еще Иа. — сказал Пух.

— И еще Иа. — и вдруг...

— И еще Совы. — сказал Пух.

— И еще Совы. — и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и еще Иа. — сказал Пух. — я про него чуть было не забыл!

— Е о т м ы т у ж и в е м. — сказал Кролик очень медленно и громко. — все мы, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то незнакомое животное! Животное, о котором мы никогда и не слышали раньше! Животное, которое носит своих детей в кармане! Предположим, что я стал бы носить своих детей с собой в кармане, сколько бы мне понадобилось для этого карманы?

— Шестнадцать. — сказал Пятачок.

— Семнадцать, кажется... Да, да. — сказал Кролик. — и еще один для носового платка. — итого восемнадцать. Восемнадцать карманов в одном костюме! Я бы просто запутался!

Тут все замолчало и стали думать про карманы.

После длинной паузы Пух, который несколько минут ужасно морщил лоб, сказал:

— По-моему, их пятнадцать.

— Чего, чего? — спросил Кролик.

— Пятнадцать.

— Пятнадцать чего?

— Твоих детей.

— А что с ними случилось?

Пух потер нос и сказал, что ему казалось. Кролик говорил о своих детях.

— Разве? — небрежно сказал Кролик.

— Да, ты сказал...

— Ладно, Пух, забудь это, — нетерпеливо перебил его Пятачок. — Вопрос вот в чем: что мы должны сделать с Кенгой?

— А-а, понятно, — сказал Пух.

— Самое лучшее, — сказал Кролик, — будет вот что. Самое лучшее — удрать Крошку Ру и спрятать его, а потом, когда Кенга скажет: «где же Крошка Ру?» — мы скажем: «АГА!»

— АГА! — сказал Пух, решив поупражняться. — АГА! АГА!

— По-моему, — заметил он немного погодя, — мы можем сказать «АГА», даже если мы не украдем Крошку Ру.

— Пух, — сказал Кролик покровительственным тоном, — действительно у тебя в голове один ослик!

— Я знаю, — скромно сказал Пух.

— Мы скажем «АГА» так, чтобы Кенга поняла, что мы знаем, где Крошка Ру. Такое «АГА» означает: «Мы тебе скажем, где спрятан Крошка Ру, если ты обещаешь уйти из нашего леса и никогда не возвращаться». А теперь поможете — я буду дураком!

Пух ушел в угол и стал учиться говорить такое «АГА». Иногда ему казалось, что у него получается такое «АГА», о каком говорил Кролик, а иногда казалось, что нет.

«Наверно, тут все дело в упражнении, — думал он. — Интересно, понадобится ли Кенге тоже столько упражняться, чтобы нас понять?»

— Я вот что хотел спросить, — сказал Пятачок, немного помолчавши, — я говорил с Кристофером Роббином, и он мне сказал, что Кенга, вообще говоря, считается Одним из Самых Свирепых Зверей. Я вообще-то не боюсь простых свирепых зверей, но всем известно, что если Один Самый Свирепый Зверь лишится своего деланья, он становится таким свирепым, как Два Самые Свирепых Зверя. А уж тогда, пожалуй, говорить «АГА» довольно глупо.

— Пятачок, — сказал Кролик, достав карандаш и облизав его кончик, — ты ужасный трусишка.

Пятачок слегка хлопнул носом.

— Трудно быть храбрым, — сказал он, — когда ты всего лишь Очень Маленькое Существо.

Кролик, который тем временем начал что-то писать на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленькое Существо, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришел в такой восторг при мысли в том, что он будет полезен, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенга бывает свирепым только в злые месяцы, а все остальное время она в добродушном настроении, Пятачок едва мог удержать на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я? — грустно сказал Пух. — Значит, я не буду полезен?

— Не огорчайся, Пух, — поспешил утешить его великодушный Пятачок. — Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни-Пуха, — торжественно произнес Кролик, начиная чинить карандаш, — все предприятие будет невозможно.

— О-а! — сказал Пятачок, стараясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно уединился в угол. Но про себя он гордо сказал: «Без меня все невозможно! А! да медведи!»

— Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончая писать.

Пух и Пятачок сели и приготовились слушать — они даже раскрыли рты.

Вот что прочел Кролик.

ПЛАН ПОЖИЗНЕННАЯ КРОШКИ РУ:

1. Во-первых, Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня.
2. Еще во-первых, Кенга никогда-никогда не сводит глаз с Крошки Ру, если он не застелет у нее в кармашке на все пуговицы.
3. Значит, если мы хотим похитить Крошку Ру, нам надо выиграть время, потому что Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня (см. пункт 1).
4. Идея. Если Ру выскочит из кармашка Кенги, а Пятачок туда вскочит, Кенга не заметит разницы, потому что Пятачок — Очень Маленькое Существо.
5. Как и Крошка Ру.
6. Но Кенга должна обязательно смотреть в другую сторону, чтобы не заметить, как Пятачок вскочит в карман.
7. Смотри пункт 2.
8. Еще одна идея. Вот если Пух будет говорить с ней очень вежливо, она может на минуту отвлечься.
9. И тогда я могу убежать с Крошкой Ру.
10. Очень быстро.
11. И Кенга конечно ничего не заметит, а заметит все только потом.

Ну, Кролик с гордостью прочитал все это вслух, и после этого некоторое время ничего-ничего не говорил.

Наконец Пятачок, который все время то открывал, то закрывал рот, не издавая при этом ни звука, решил выговорить очень хриплым голосом:

— А потом?

— Что ты хочешь сказать?

— Когда Кенга заметит, что это не Ру?

— Тогда мы все скажем: «АГА».

— Все трое?

— Да.

— Правда?

— Да, что тебя беспокоит, Пятачок?

— Ничего, — сказал Пятачок. — Если мы все трое скажем «АГА», тогда все в порядке. Если мы все трое скажем «АГА», — сказал Пятачок, — я не возражаю, но я бы не хотел говорить «АГА» сам один. А то оно, это «АГА», очень плохо получается... Кстати — продолжал он, — ты вполне уверен в том, что ты говорил насчет злиных месяцев?

— Насчет злиных месяцев?

— Ну, насчет свирепости только в злиные месяцы.

— А-а, да, да, все правильно. Ну, Пух, ты понял, что ты должен делать?

— Нет, — сказал Медвежонок Пух. — Не совсем. А что я должен делать?

— Ну, все время говорить и говорить с Кенгой, чтобы она ничего не замечала.

— Ох, А о чем?

— О чем-нибудь.

— А может быть, почитать ей стихи или что-нибудь в этом роде?

— Вот именно, — сказал Кролик. — Блестяще. А теперь пошли.

И все они отправились искать Кенгу.

Кенга и Ру мирно проводили послеполуденное время у большой ямы с ласком. Крошка Ру упражнялся в прыжках в высоту и в длину и даже в глубину — учился падать в мышиные норы и вылезать из них, а Кенга волновалась и поминутно притворялась: «Ну, дорогой мой, еще один раз прыгни, и домой!» И в этот момент на холме появился кто иной, как Пух.

— Добрый день, Кенга, — сказал он.

— Добрый день, Пух.

— Смотри, как я прыгаю! — прогибалась Крошка Ру и упал в очередную мышиную нору.

— Привет, Ру, малыш!

— Мы как раз собираемся домой... — сказала Кенга. — Добрый день, Кролик; Добрый день, Пятачок.

Кролик и Пятачок, которые тем временем показались с другой стороны холма, тоже сказали «добрый день» и привет. Ру, а Крошка Ру пригласит их посмотреть, как он прыгает...

Они стояли и смотрели. И Кенга смотрела — смотрела во все глаза...

— Послушай, Кенга, — сказал Пух после того, как Кролик подкинула ему второй раз, — интересно, ты любишь стихи?

Медвежонок Пух

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

стать Кенгой, все еще учился прыгать в той же манере с песком.

— Не знаю, — сказала Кенга очень задумчивым голосом, — может быть тебе лучше сегодня принять холодную ванну? Как ты думаешь, Ру, милый?

Пятачок, который никогда особенно не любил купаться, задрожал от возмущения и сказал самым мужественным голосом, каким только мог:

— Кенга! Я вижу, что пришло время поговорить наконец!

— До чего же ты свешивай глупости, Ру, — сказала Кенга, наливая воду в ванну.

— Я не Ру, — громко сказал Пятачок. — Я Пятачок!

— Да, милый, да, — сказала Кенга ласково, — Никто с тобой не спорит!... И голосу Пятачка подражают, какой уминый! — пробормотала она, доставая с полки большой кусок желтого мыла. — Ну, что ты у меня еще придумал?

— Ты что, не видишь? — закричал Пятачок. — Глаз у тебя, что ли, нет? Погляди на меня!

— Я-то глажу, маленький мой Ру, — сказала Кенга довольно строго, — А вот ты повалишься, что я тебе вчера говорила про гимнастику! Если ты будешь строить такие гримасы, как Пятачок, то, когда вырастешь, станешь похож на Пятачка, и ты тогда об этом очень-очень пожалеешь. А теперь — марш в ванну и не заставляй меня повторять это еще раз!

И, не успев опомниться, Пятачок оказался в ванне, и Кенга принялась изо всех сил тереть его большой локонной мочалкой.

— Ой! — пищал Пятачок. — Отпусти меня! Я же Пятачок!

— Не открывай рот, дорогой, а то в него попадет мыло, — сказала Кенга. — Ну вот! Что я тебе говорила?

— Ты-ты-ты, ты это нарочно сделала! — булькнул было Пятачок, как только смог снова заговорить...

Но тут во рту у него оказалась мочалка.

— Вот так хорошо, милый, помылочкай, — сказала Кенга.

В следующее мгновение Пятачок был извлечен из ванны и крепко-накрепко вытерт маленьким полотенцем.

— Ну, — сказала Кенга, — а теперь прими лекарство — я в постель.

— К-к-какое ле-ле-карство? — пролетелет Пятачок.

— Рыбий жир, чтобы ты вырос большим и сильным, милый. Ты же не хочешь быть таким маленьким и слабым, как Пятачок, правда? Ну, так вот.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — сказала Кенга.

И вошел Кристофер Робин.

— Кристофер Робин, Кристофер Робин! — рычал Пятачок. — Скажи Кенге, кто ж Она еще время говорит, что я Ру! А я ведь не Ру, правда?

Кристофер Робин осмотрел его очень тщательно и покачал головой.

— Конечно, ты не Ру, — сказал он, — потому что я только что видел Ру в гости у Кролика. Они там играют.

— Ну и ну! — сказала Кенга. — Подумать только! Как это я могла так обознаюсь!

— Ага, ага! Вот видишь! — сказал Пятачок. — Что я тебе говорил? Я Пятачок!

Кристофер Робин снова покачал головой.

— Нет, ты не Пятачок, — сказал он. — Я хорошо знаю Пятачка, и он совершенно другого цвета.

«Это потому, что я только что минуту приняв ванну», — хотел сказать Пятачок, но успев сообразить, что, пожалуй, говорить этого не стоит. Едва он открыл рот, собираясь сказать что-то своему другу, Кенга живо всунула ему в рот ложку с лекарством и пихнула его по спине и сказала ему, что рыбий жир очень вкусный, когда к нему как следует привыкнешь.

— Я знаю, что это не Пятачок, — сказала Кенга потом. — Интересно, кто это все же может быть?

— Может быть, какой-нибудь родственник Пука? — сказал Кристофер Робин. — Скажем, племянник, или дядя, или что-нибудь в этом духе?

— Вероятно, вероятно, — согласилась Кенга. — Только нам надо придумать ему какое-нибудь имя.

— Можно звать его Пушисль, — сказал Кристофер Робин. — Например, Генри Пушисль, Совершенно.

Но, едва получив новое имя, Генри Пушисль вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин оставил дверь открытой.

Никогда в жизни Генри Пушисль-Пятачок не бежал так быстро, как сейчас! Он несся, не останавливаясь ни на секунду. Лишь в сотне шагов от дома он прекратил бег и покосился по земле, чтобы вновь обрести свой собственный — милый, уютный и привычный — цвет...

Там Кенга и Крошка Ру остались в Лесу. И каждый вторник Крошка Ру отправлялся на целый день в гости к своему новому другу — Кролику, а Кенга проводила весь день со своими новыми друзьями — Пуком, обучая его прыгать, а Пятачок в эти дни гостил у своего старого друга Кристофера Робина.

И всем было ужасно весело!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Кристофер Робин организует «испедицию» к Северному Полюсу

Винни-Пух брел по Лесу, собравшись повидать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позавидовал ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный-немножко жаренягу, намазанного на соты с медом) Пуку внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

Подумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше, — подумал он, — спеть «Хорошо быть медведем, ура!» И он спел «ура». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно, — сказал он, — тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я сам того не замечая, доберусь до третьей и четвертой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка.

Хорошо быть медведем, ура!

Хорошо быть медведем, ура!

Победа...

(Нет, победы!)

Победа я и жару и мороз,

Лишь бы медом был вымазан нос!

Победа...

(Нет, победы!)

Победа и любовь беду,

Лишь бы были все лапки в меду!...

Ура, Винни-Пух!

Ура, Винни-Пух!

Час-другой пролетит, словно птица,

И наступит пора подкрепиться!

Ему почему-то так понравилась эта песня (Шумелка), что он распевал ее всю дорогу, шагая по Лесу. Что если я буду петь ее дальше, — вдруг подумал он, — как раз придет время чем-нибудь подкрепиться, и тогда последняя строчка будет неправильная! Поэтому он замигивал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у горшка, напиваясь своим Походным Салом. Едва Пух увидел Походные Салом, он сразу понял, что предстоит Приключение, и он схватил ладонью остатки меда с морозики и подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никак не наткнул этот Салом.

— Это плохо, — сказал Пух.

— Ты покажуйся, уприсы мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полену вверх торшачками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, уперся ладонями в землю, а спиной изо всех сил уперся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил уперся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Салом, пока он наконец не надеялся.

— Ну, вот так, — сказал Пух. — Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в экспедицию. Все, — сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь. — Спасибо, Пух.

— Отправляемся в экспедицию? — с интересом спросил Пух. — Никогда ни одной не видел. А где она, эта экспедиция?

— Экспедиция, глупейший мой милка. Не «ски», а «ск».

— А-а! — сказал Пух. — Понятно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны пыскать и открыть Северный Полос.

— А-а! — снова сказала Пух. — А что такое Северный Полос? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают, — небрежно сказала Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно, — сказал Пух. — А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуском... Ты бы лучше сказала всем остальным, чтобы они собирались, пока я почищу ружье. И еще надо не забыть провиант.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едят.

— А-а! — сказала Пух радостно. — А мне понравилось, ты говорила про саку-то вишко. Тогда я пойду и осажу им вилы.

И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик! — сказал Пух. — Это ты?

— Давай играть, как будто это не я, — сказала Кролик. — Посмотри, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе предложение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в экспедицию с Кристофером Роббином.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда, — сказал Пух. — Мы должны, главное, не забывать про... Словом, про то, что едят. А то вдруг нам есть закончится. Я теперь пойду к Патачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побегал к дому Патачка.

Патачок сидел на земле и гадал на ромашке, высокая — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Патачок! — равнодушно сказал Пух. — Мы все отправляемся в экспедицию. Все, все! И берем про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Патачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчет злости. Он сказал только, что в нем есть «жж».

— «Жжж» и не боюсь, — серьезно сказал Патачок. — Я боюсь только волков, но если с нами пойдет Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Ступил некоего времени все были в сборе и экспедиция началась. Первым шел Кристофер Робин и Кролик, за ними Патачок и Пух, далее Кенга с Крошкой Ру и Совы, еще дальше — Иа, а в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал, — небрежно объяснил Кролик, — они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать, — сказал Иа, — что это действует на первом. Я вообще не собирался идти в эту экспедицию... или как там Пух выразился. Я пришел только из чувства долга. Ты не мань в зад, и если я должен идти в конце экспедиции — вы понимаете, о чем я говорю, — то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне закончится посидеть и отдохнуть, мне придется сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не экспедиция — или как ее там называют, — а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду, — сказала Сова. — Если вы спросите меня...

— Я ничего не страшилась, — сказал Иа. — Я, наоборот, всем объясняю. Можете искать Северный Полос, а можете играть в «Сиди, сиди, Яш» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в толпе колонны послышался крик.

— Вперед! Вперед! — кричал Кристофер Робин.

— Вперед! — кричала Пух и Патачок.

— Вперед! — кричала Сова.

— Трогаться! — сказала Кролик. — Я должен бежать. — И он поначался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно, — сказал Иа. — Все тронулись. Но я тут ни при чем.

Так они вытупили в лесод к Полосу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который слышал песню.

— Вот и первая строфа, — сказал он Патачку, когда она была наконец готова.

— Первая строфа чего?

— Моей песни.

— Какой песни?

— Этой самой.

— Какой?

— Если ты послушаешь, то все знаешь.

— А откуда ты знаешь, что я не слушаю?

На это Пух не нашел, что ответить, и поэтому начал петь:

Все вышли в ИСПЕДИЦИЮ

(Считая и меня).

Сова, и Рух и Кролик,

И все это родные!

Все наша ИСПЕДИЦИЯ

Весь день бродила по лесу.

Ишла ИСПЕДИЦИЯ

Везде впроку к Полосу

И каждый в ИСПЕДИЦИИ

Ужасно был бы рад!

Узнать, что значат Полос.

И с чем все едем!

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. — Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поросенку.

— Тсс! — сказала Патачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сове, а Крошка Ру несколько раз подряд сказала «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цинц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего, А. последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решил, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой.

Его звали Сыска Буссака.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засады.

— Какой засады? — шепнул Пух Патачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — нуужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Патачок, строго посмотрев на нее. — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и следовательно обязательно было тебе...

— Засада, — сказала Сова, — это вроде сюрприза.

— Малина иногда тоже, — сказал Пух.

— Засада, как я собираюсь объяснить Винни-Пуху, — сказал Пятачок, — это вроде сюрприза.

— Если на тебя внезапно наскочит, это называется засадой, — сказала Сова.

— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат, — объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куш малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева, и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

— Никто не говорил о малине, — довольно сердито сказала Сова.

— Я же говорил, — сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зеленой травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин командовал: «Стой!» — и все устало отдыхало.

— По-моему, — сказал Кристофер Робин, — мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть все наше что? — сказал Пух.

— Все, что мы принесли, — сказал Пятачок, приступая к делу.

— Это хорошая мысль, — сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня, — сказал Иа. — Как обычно! — Он грустно оглянулся. — Интересно, никто из вас не сидит случайно на чертополохе?

— Кажется, я сижу, — сказал Пух. — Ой! — Он вскакивал и оглянулся. — Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если от тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешел на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нем сидят, — затворил Иа на минуту отверстием от еды. — Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешайте проявлять внимание к товарищу. Надо иногда подумать и о других, а не только о себе!

Как только Кристофер Робин закончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторону.

Как только Кристофер Робин закончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторону.

— Мне не хотелось говорить при всех, — начал Кристофер Робин.

— Конечно, — сказала Кролик, надумавшись от гордости.

— Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя Саварный Пловек?

— Ну, — сказал Кролик, восторженные усы, — надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл, — небрежно сказал Кристофер Робин.

— Странное совпадение, — сказал Кролик, — в тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткнута в землю. Правда?

— Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же ее некуда воткнуть, да к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом, — сказал Кролик, — Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем! — сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно покрывался. Ру мыл мордочку и лапки в речке возле заруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «радиодетектор», хотя Кенга и не думала ее слушать.

— Не одобряю эти разные умывания, — ворчала Иа, — в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну, — сказала Пух, — я пытаюсь...

На мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и тремкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду! — закричал Кролик.

— Доругивался! — сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.

— Смотрите, как я плаваю! — прокричал Ру. Он был уже на середине пруда, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру. — Смотрите, как я плаваю! — И он вынырнул уже у следующей заруды.

Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшись, прыгнул на месте и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга опредеыми скачками неслась по берегу, не забывая спрашивать: «Ну, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле заруды — той самой, где Ру упал, — и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происшедшему, он приговаривал: «Все из-за этого мышки, но ты только держись за мой хвост, Ру, и все будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперед, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идем к тебе! — кричала Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное.

Он подхватил длинную палку и перебрался на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и севнула другой конец палки на противоположном берегу. И вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — равнялся за нее и выкарабкался на берег.

— Вы видели, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делаю? Я плаваю! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делаю? Я плаваю! Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашел эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую все еще продолжал держать.

— Ну, просто наверх, — сказал он. — Разве это ося? Я думал, это просто плава и она может приподняться. Она там торчала в земле, а я ее поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полос.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулось на лужайку, Иа все еще продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он потроллился, — сказал он. — Мой хвост избу. Я не жауюсь, я просто констатирую факт. Мой хвост замерз.

— Вот я! — протянула Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа выплывал из воды и помахал им.

— Я так и думал, — сказал он. — Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дало. Он охоченел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик. Я его сейчас вытру, — сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чем их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция слюны.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растеряв хвост из-за всех сил. — Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет. Иа! — сказала Пух, подойдя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чем мы говорили.

— А я и о чем не говорил, — сказал Пух, недумывая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебе оторвет история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет, — сказал Пух истосерденно. — Это был не я. — Он подумал невняжно, и, желая помочь вынести вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-нибудь другой.

— Ну что ж, тогда благодарю его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущенно посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух надел Северный Полос, — сказал Кристофер Робин. — Здорово, правда? Вот Земная Ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да, — сказала Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да, — сказал Пух.

— Гм, — сказал Иа-Иа. — Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, — добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛОС:

ОТКРЫТ ПУХОМ

ПУХ ЕГО НАШЕЛ

Потом все отправилось по делам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Пятачок совершенно окружён водой

Дважды лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь —, а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он еще не видел столько дождя сразу. А дождь лил, и лил, и лил. С утра до вечера День за днем.

«Вот если бы, — думал Пятачок, выходя из окна, — я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождя не было, мне было бы все время весело. А то сиди тут один-единешек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видел когда-нибудь такой дождь?» —, а Пух отвечает: «Ну прямо ужасно!», или он, Пятачок, в свою очередь, говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, съехал из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще какой толк в таких потрескавшихся вещах, как погоды и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?

А было, спорят нет, потрескалось интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями ручейки, по которым он, бывало, шлепал, подернувшись алыми, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья так весело играли, вымела из своего ложа (так называют речку постела) и разлилась так широко, что Пятачок начал беспокоиться, не заберется ли она скоро и в его собственное ложе (то есть в его постель).

«Да, немного страшно, — сказал он сам себе, — быть Очень-Маленьким Существом, совершенно окруженным водой!» Кристофер Робин и Пух могут стиснуть, забравшись на дерево. Кенга может ухватиться и тоже стиснуть. Кролик может стиснуть, зарывшись в землю. Сова может улететь, а Иа может спастись — мим... если будет громко кричать, пока его не сплывет.

А вот я сижу тут, весь окруженный водой, и совсем-совсем ничего не могу сделать!»

Дождь все лил, и с каждым днем вода подымалась всеюжеле выше, и вот она подошла уже к самому окошку, а Пятачок все еще ничего не сделал.

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин, — историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил ее в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит ее в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придет и спасет его!

Он обмыл весь свой дом, вернее, все, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашел сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки

ПОМОГИТЕ!

ПЯТАЧКУ (ЭТО Я)

а на обороте:

ЭТО Я, ПЯТАЧОК,

СПАСИТЕ, ПОМОГИТЕ!

Потом он положил бумажу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка — но так, чтобы не выгнать, — и из всех сил бросил бутылку.

— Плоск! — сказала бутылка и закаталась на волнах.

Пятачок сделал как она медленно уливает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто реба на воде, и наконец он понял, что больше он ее никогда не увидит и что он сделал все, что мог, для своего спасения.

«И, значит, теперь, — думал он, — кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придется плавать, а ведь я не умею».

Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

— Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоем намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь: лил, лил и лил, а он спал, спал и спал.

Наконец он очень устал. Как вы помните, он открыл Северный Полос, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли где еще Полосок, которые Медведь с осликами в голове мог бы открыть.

«Есть еще Южный Полос, — сказал Кристофер Робин, — и, по-моему, где-то есть Восточный Полос и Западный Полос, хотя люди почему-то не любят говорить о них».

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полосу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полос сам. Открыл он его или нет, а забыл, но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, спустя каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, и спал, и спал.

И вдруг он увидел сон. Ох, Пух, был на Восточном Полосе и это оказалось очень холодный Полос, весь покрытый самыми холодными сортами снега и льда. Пух разиская тепленький угол и улетел там спать, но в углу не хватило места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возьмись, пришли Динго Буки, обитающие на Восточном Полосе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнезда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил, что он сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлепал к двери и вылезнул наружу...

— Положение серьезное, — сказал Пух, — надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с медом и сплел с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчащую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и отосел с другими горшками.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло девять горшков с медом.

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояли четыре горшка с медом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с медом.

На четвертый день на ветке сидел Пух один-одинешенек.

И в это самое утро бутылка Питанка проплывала мимо Пуха.

И тут с громким криком «Мед! Мед!» Пух кинулся в воду, схватил бутылку и по шейку в воду, храбро вернулся к дереву и влез на ветку.

— Жаль, жаль, — сказал Пух, открыв бутылку, — столько мочнуть, а совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на нее.

— Это Спасание, — сказал он, — вот что это такое. А вот это буква «Пы», да-да-да, да-да-да, а «Пы» — наверно, значит «Пух», и, значит, это очень важное Спасание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Питанка — словом, какого-нибудь читателя, который умеет читать все слова, и они мне скажут, про что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

«Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывет, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок».

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

— У каждого корабля должно быть название, — сказал он, — значит, я назову свой — «Плавучий Медведь».

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслеп.

Некоторое время Пух и «Плавучий Медведь» не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце концов они договорились. «Плавучий Медведь» оказался внизу, а на нем — Пух, отчаянно болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь лил, лил и лил, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти все время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему пришлось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась все короче и короче.

Науро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает ее друг Кристофер Робин.

— Слушай, Сова, — сказала Кристофер Робин, — до чего здорово! Я живу на острове!

— Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными, — сказала Сова.

— Что, что?

— Дождь был, — напомнила Сова.

— Да, — сказала Кристофер Робин, — был.

— Уровень воды достиг небывалой высоты.

— Кто?

— Я говорю — воды крутин много, — напомнила Сова.

— Да, — согласился Кристофер Робин, — очень много.

— Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает..

— Ты видела Пуха?

— Нет, пропал..

— Я надеюсь, он жив и здоров, — сказала Кристофер Робин, — Я немного беспокоюсь о нем. Интересно, Питанок с ним или нет? Ты думаешь, у них все в порядке, Сова?

— Я полагаю, что все в порядке. Ты понимаешь, пропал..

— Знаешь что, Сова, погляди, как они там, потому что вода у Пуха оплики в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю, Сова. Понимаешь, Сова?

— Очень хорошо, — сказала Сова, — я отправлюсь. Вернусь немедленно. — И она улетела.

Вскоре она вернулась,

— Пуха там нет, — сказала она.

— Нет?

— Он был там. Он сидел на ветке с девятью горшками меда. Но теперь его там нет.

— Пух, дорогой, — крикнул Кристофер Робин, — где же ты?

— Вот где я, — ответил содди ворчиливый голосок.

— Пух!

Они кинулись обниматься.

— Как ты сюда попал, Пух? — спросил Кристофер Робин, когда он смог снова говорить.

— На корабле, — сказал Пух гордо. — Я получил очень важное Спасание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привел его тебя на своем корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

— Это же от Питанка! — закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

— А про Пуха там ничего нет? — спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину нераспечно.

Кристофер Робин прочел послание вслух.

— Ах, так все эти «Пы» были Питанки? А я думал, это были Пухи.

— Надо его немедленно спасать! Я-то думаю, что он с тобой, Пух, Сова, ты можешь его спасти на сплеч?

— Не думаю, — отвечала Сова после длительного размышления. — Сомнительно, чтобы сплечная мускулатура была в состоянии..

— Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пухом подумаем, как его спасти и притаим, как его спасти. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, все еще повторяя про себя то, что она хотела, но не успела высказать, Сова улетела.

— Ну вот, Пух, — сказал Кристофер Робин, — где твой корабль?

— Надо сказать, — объяснил Пух Кристоферу по дороге к берегу, — что это не совсем обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это вроде несчастного случая. Смотря по тому..

— Смотря по чему?

— Ну, по тому — наверху и или внизу. На нем или под ним.

— Ну, а где он?

— Вот, — сказал Пух гордо и указал на «Плавучего Медведя».

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он сидел на «Плавучего Медведя» тем больше он думал о том, какой же храбрый и унылый медвежонок Винни-Пух, но чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скорее он стараясь сделать вид, что это не он.

— Но только он слишком маленький для нас обоих, — сказал Кристофер Робин грустно.

— Для нас троих, считая Питанка.

— Ну, значит, он еще меньше. Винни-Пух, что же нам делать?

И тут этот медвежонок, Винни-Пух, Д.П. (Друг Питанка), П.К. (Приветель Кролика), О.П. (Открыватель Полоски), У.И. и Н.Х. (Учитель Ии-Ии и Находитель Хаоса), — одним словом, наш Винни-Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая — неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

— Мы полны в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

— Мы полны в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

— Мы полны в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но застрял. Пух влез в него. И он было уже хотел сказать, что все в порядке, когда обнаружил, что не все, и после непродолжительного купания он сброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

— Мы назовем это судно «Мудрость Пука» — сказал Кристофер Робин.

И «Мудрость Пука» на всех парусах поплыла в юго-восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как обрадовался Пятачок, когда наконец увидел Корибна! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного похода, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Сова успела на ветку и, чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длинную историю про свою Тетку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тонула (совсем как эта фраза), пока Пятачок (которой слушала Сова, выслушавшая в окно), потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно, стал попламечку вываливаться из окна, но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног. Слова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тетки и ее крик, когда она (Тетка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: «Ах как интересно! Да что вы говорите!» — словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный Корибна «Мудрость Пука» (Капитан — К.Робин, 1-й помощник — Б.-Пух), который плыл ему на выручку, а К.Робин и Б. — Пух, в свою очередь...

Но эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал от этой последней фразы, что тоже не прощу бы кончать, но никак нельзя не рассказать о том, что было позже.

Потому что позже, когда все вышло, и все ручейки в Лесу стали опять маленькими и коротенькими, и вода в тихих, сонных ручьях только грезилась о великих делах, которые она совершила, Кристофер Робин устроил Торжественный Вечер в честь своего друга Винни-Пуха и в честь Славного Дела, которое он — Винни-Пух — совершил.

Это был чудесный вечер! В Лесу был накрыт длинный-предлинный стол, и на одном Председательском месте — в конце стола — сидел Кристофер Робин, а на другом Председательском месте — в другом конце стола — сидел сам Винни-Пух, а на остальных местах сидели Гости: Пятачок, и Кролик, и Иа, и Кенга, и Ру, и Сова, А кругом, в траве, расположились Рождественники и Знакомые Кролика, всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы иногда печально наступаете, и кончая теми, которые иногда нелегко залезает вам в глаз), и терпеливо ждали, что кто-нибудь из Гостей заговорит с ними, или что-нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

И, конечно, все-все-все славно устроилось, а потом Кристофер Робин произнес Хвалебную речь в честь того, кто совершил Славное Дело, и сказал, что для него — для того, кто это дело совершил, — приготовлен Большой Подарок.

Но так как он не сказал, что именно совершил Славное Дело, считая, что все и так его знает, то Иа-Иа вдруг по ошибке принял все Торжество на свой счет, и после понял свою ошибку только тогда, когда Подарок (большая, очень красивая коробка) был вручен тому, кто действительно это дело совершил, то есть Винни-Пуху.

Винни-Пух принял Подарок и сказал «спасибо», и все столпились вокруг него, крича наперебой: «Открывай скорее!», «Ного там есть?», «А я знаю, что там!» и так далее.

А когда Винни-Пух открыл коробку (поскорей, но все-таки не разрезав, а разжав ленточку — ведь она всегда вдруг может понадобиться), все так и зашумело, а сам Винни чуть не упал от радости.

Потому что это оказалась Специальная Коробка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные «В» — в честь Винни-Пуха, и карандаши, помеченные «НВ» — в честь Неустрашимого Винни, и еще карандаши, помеченные «ВВ» — в честь, в честь Выдающегося Винни, потому что ведь это он вынул Пятачка и еще там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает все, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зеленые и Красно-Синие, совсем как у взрослых.

И все это было для Пука.

И, по-моему, он все это вполне заслужил.

А как вы считаете?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой для Иа-Иа строят дом на Пуховой опушке

Однажды, когда Винни-Пух делать было совершенно нечего, он подумал, что все-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шел он, и Винни плелся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня, но, к своему удивлению, он увидел, что двери дома Пятачка открыты, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушел из дому, — грустно сказал Пух, — вот в чью дачу. Поэтому его и нет дома! Придется мне прогуляться одному и самому обдумать всё это. Обидно-досадно!

Но сначала он решил всё-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал шум, и он показался Винни хорошие шумом, который может, пожалуй, немного поправиться.

Иау вперед!

(Тарилы-бом-бом).

И снег идет

(Тарилы-бом-бом).

Хоть нам совсем —

Совсем не по дороге!

Но только вот

(Тарилы-бом-бом)

Скажите, от —

(Тарилы-бом-бом).

Скажите, от —

Чего так знобит ноги?

— Тогда я вот что сделал, — сказал Винни-Пух, — Я сделал так: просто сперва пойду домой и посмотрю, который час, и может быть, надену шарф, а потом и пойду навзничь Иа и стою ему эту Шумелку!

Винни побегал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем как стечь её Иа, что, когда он внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье — в чьей же даче он находится?

— Ой, Пятачок, — сказала он, — а я думал, тебя нет дома.

— Нет, — сказал Пятачок, — это тебя нет дома, Пух.

— Пожалуй, правильно, — сказал Пух, — во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

— Ура, ура, уже почти одиннадцать! — сказал Пух радостно, — как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

— А потом мы пойдем гулять и стоим мило Шумелку Иа, — добавил он.

— Какую Шумелку?

— Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа, — объяснил Пух.

Спустился полчасика, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часик, и их утешило, всё ещё показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надевно вернется, пытался поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая оечинка сама отыскивала себе место для отдыха. Горой этим местом оказывалось нос Винни-Пуха, а порой нет, и спустя немного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как ещё никогда в жизни.

— Пух, — сказал он наконец, слегка помешавшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он сдаётся. — Я вот о чём подумал: а что, если мы сейчас пойдем домой и послуша как следует твою песню, поупражняемся, а потом споём её Иа? Застря... или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим!

— Это очень хорошая мысль, Пятачок! — сказал Пух. — Мы будем сейчас поговаривать Шумелку по дороге, но только дома её повторить не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и ей надо петь на дороге, когда идёт снег.

— Обязательно! — трезвено спросил Пятачок.

— Да ты сам увидишь. Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: «Иду вперед, Тирлим-бом-бом...».

— Тирлим что? — спросил Пятачок.

— Бом-бом — сказал Пух. — Я вставил это, чтобы она была шумелоней. «И снег идет, тирлим-бом-бом, вот как...»

— А ты разве не сказал «иду вперед»?

— Да, но «вперед» был впереди.

— Вперед тирлим-бом-бом?

— Это же был другой тирлим-бом-бом. — сказал Винни-Пух, уже несколько сбивший с толку.

И он заел снова.

Идем

Вперед

(Тирлим-бом-бом).

И снег

Идет

(Тирлим-бом-бом).

Хоть нам

Совсем-совсем не по дороге!

Но только

Вот

(тирлим-бом-бом)

Скажите,

От — (тирлим-бом-бом).

Скажите,

Отчего так забнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от нечала до конца, и, пожалуй, так она стала ещё лучше, и, конечно, Винни замолчал в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта — самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьёзного размышления высказал своё мнение.

— Пух, — сказал он задумчиво, — по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подошли к Уинчелю Месту, где жил Иа, и так как у Пятачка за ушами всё ещё было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули в небольшую сосновую рощицу и присели на халитку в изгороди.

Теперь снег на них не гадал, но всё ещё было очень холодно, и, чтобы не замерзнуть, они спели Шумелку Пуха шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнил все тирлим-бом-бомы, а Пух всё остальное), причём оба в нужных местах колотили по изгороди палочками. Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

— Я сейчас думаю, — сказал Пух, — и думаю я вот о чём: я думаю про Иа.

—, А что ты думал про Иа?

— То, что ведь бедному Иа негде жить.

— Негде, негде, — согласился Пятачок.

— У тебе есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома, и у Кристофера Робина дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Редственичка и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного Иа нет совсем ничего. И вот что я придумаю: давай построим ему дом.

— Это замечательная мысль, — сказал Пятачок. —, А где мы его построим?

— Мы построим его здесь, — сказал Пух, — на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место «Пухова опушка», и мы построим для Иа на Пуховой Опушке — ДОМ ИА.

— Ой, кстати, там за рощей я видел грудку палочек, — сказал Пятачок. — Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

— Спасибо, Пятачок, То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я бы мог назвать это место Пуховопятачковой Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала плохо. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они сбежали с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин всё это утро провёл в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошё с корабля и подумал: «Интересно, какая сейчас на улице погода, как вдруг в это дверь постучал не кто иной, как Иа.

— Здравствуй, Иа, — сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор. — Как ты себя чувствуешь?

— Снег всё идёт, — мрачно сказал Иа.

— Да, да.

— И мороз.

— Да?

— Да, — сказал Иа. — Однако, — добавил он, немного просветлев, — землетрясений у нас в последнее время не было.

— Что случилось, Иа?

— Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенного. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

— Какого дома?

— Просто дома.

—, А кто там живёт?

— Я живу. По крайней мере, я думаю, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

— Ой, Иа, я не знал, я всегда думаю...

— Не знаю, в чём тут дело. Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всем прочем, сейчас в полё часа в три утра не так жарко, как думаю и некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не приходится. Ничего не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин, — продолжила Иа громким шепотом, — строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить, — там холодно.

— Ой, Иа!

— Иа я сказал тебе — ведь остальные, пожалуй огорчатся, если я замерзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют думать, но если снег будет идти ещё неделю шесть или в этом духе, даже кто-нибудь из них может сказать тебе: «Пожалуй, Иа не так уж жарко, сейчас, часа в три утра». А потом он закроет это проверить, А ещё потом ему станет очень грустно.

— Ой, Иа! — сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

— Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, всё это я kloню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой рощицы.

— Правда построил? Как замечательно!

— Действительно замечательным, — продолжил Иа самым унылым тоном, — представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда я вернулся, его там не было. Вообще это всё вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но всё-таки я несколько обескуражен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально надела тёплую шапку, тёплые ботинки и тёплое галато.

— Мы сейчас пойдём и выкошим это, — сказал он Иа.

— Мында, — сказал Иа — когда люди забирают что-нибудь долг, там остаются куклы, другой, который им не нужен и который они с удовольствием вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы зайлём...

— Пошли, пошли, — сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку рощи, где не было дома Иа.

— Ну вот, — сказал Иа — Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать всё, что я хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

— Ты не слышишь? — спросил он Иа.

—, А что там такое? Кто-то смеётся?

— Слышишь.

Они прислушались... И они услышали ворельный басок, напевавший, что и он идёт, и снег идёт, хотя им совсем-совсем не по дороге, и цей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлиббомбомкнуть.

— Это Пух! — радостно сказал Кристофер Робин.

— Вероятно, — сказал Иа.

— И ещё Пятачок. — взволнованно сказал Кристофер Робин.

— Возможно, — сказал Иа. — Кто нам сейчас действительно нужен — это хорошая пицца.

Слова песни неожиданно изменились.

— Наш дом готов! — пил бас.

— Тирли-бом-бом, — пил пискливый голосок.

— Прекрасный дом...

— Тирли-бом-бом...

— Я сам счастно жил бы в нём!...

— Тирли-бом-бом...

— Пух! — закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

— Это Кристофер Робин, — в восторге сказал Пух.

— Он на той стороне. Там, где мы взяли палочку, — сказал Питанок.

— Побежали, — сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

— Эй, в тут Иа! — сказал Пух, когда они с Кристофером Робинем кончили обниматься. Он толкнул локтем Питанка, а Питанок толкнул локтем его, и они подумали, какой это приятный сюрприз — Здравствуй, Иа!

— И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам — вдвое, — уныло сказал Иа.

Не успев Винни-Пух спросить: «Почему по четвергам?» — как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа. Пух и Питанок слушали, и глаза у них становились всё больше и больше.

— Где, ты говоришь, он был? — спросил Пух.

— Как раз тут, — сказал Иа.

— Он был сделан из палочек?

— Да.

— Ох, — сказала Питанок.

— Что? — сказал Иа.

— И просто сказал «ох» — нервно ответил Питанок, и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлибомбомкнул так беззаботно, как только мог.

—, А ты уверен, что это был дом? — спросил Пух. — Я хочу сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

— Конечно, уверен, — сказал Иа. Он пробормотал про себя: «Ни тени ума нет у некоторых!»

— В чём дело, Пух? — спросил Кристофер Робин.

— Ну, — сказал Пух — Дело в том, — сказал он. — Ну, дело в том, — сказал Пух. — Понимаешь... — сказал Пух. — Как бы вам сказать... — сказал Пух и тут что-то, видимо, подсказало ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Питанка локтем.

— Как бы вам сказать... — поспешно сказал Питанок. — Только теплее, — добавил он после долгого размышления.

— Что — теплее?

— На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

— Мой дом? — спросил Иа. — Мой дом был здесь.

— Нет, — твёрдо сказал Питанок, — он на той опушке.

— Потому что там теплее, — сказал Пух.

—, Но я хочу знать...

— Пойдем и посмотрим, — просто сказал Питанок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа — с виду уютный-преуятный.

— Вот он, — сказал Питанок.

— Внутри не хуже, чем снаружи, — с гордостью сказал Пух.

Иа вошёл в дом и снова вышел.

— Странное впечатление, — сказал он. — Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его судно охве ветром. Видимо, ветер переверб его прямо через рощу и тут опустился. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

— Гораздо лучше! — ворон сказали Пух и Питанок.

— Вот вам пример того, что можно сделать, если не полениться, — сказал Иа. — Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Питанок? Во-первых — Смекалка, а во-вторых — Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! — гордо закончил Иа.

Все погрозившись со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин пошёл обидать со своими друзьями — Пухом и Питанком. По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибках, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно затели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели её всю дорогу, причём Питанок, который всё ещё был немного не в голосе, толкал «тирлибомбомбал».

«Конечно, кажется, что тирлибомбомкать ленио, — сказала Питанок про себя, — но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой в лес приходит Тигра и завтракает

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажёл свечку и пошёл к буфету-проверить, не выплывает ли кто-нибудь туда залезть, но там никого не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лёг в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук — тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Питанок? — спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин, — сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошёл.

— Завтра рассказываю, Иа, — сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— БОРРАБОРРАБОРРАБОРРАБОРРА! — говорил Незвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое? — подумал он. — У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это и не пение, и не сопение, и не хрюпение... Это даже не тот звук, который издаётся перед тем, как проглотить вслух стихи. Это какой-то неизвестный шум, и шумит какой-то неизвестный зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и погрозить его перестать».

Винни встал с постели и открыл дверь.

— Привет! — сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Привет! — ответил Незвестно Кто.

— Ох! — сказал Пух. — Привет!

— Привет!

—, А, это ты! — сказал Пух. — Привет!

— Привет! — сказала Чужой Зверь, недоумевая, до каких пор этот обмен приветствиями будет продолжаться.

Пух как раз собирался сказать «Привет» в четвёртый раз, но подумал, что, пожалуй, не стоит, и вместо этого он спросил:

—, А это кто?

— Я, — отвечал Голос.

— Привет! — сказал Пух. — Ну, тогда выходи!

Тут Незвестно Кто вошёл, и при свете свечи он и Пух установились друг на друга.

— Я — Пух, — сказал Винни-Пух.

—, А я — Тигра, — сказал Тигра.

— Ох! — сказал Пух, (ведь он никогда раньше видел таких зверей). —, А Кристофер Робин знает про тебя?

— Конечно, знает! — сказал Тигра.

— Ну, — сказал Пух, — сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мед на завтрак. Тигра, любит мед?

— Она все любит! — весело сказал Тигра.

— Тогда, раз они любят спать на полу, я пойду опять лягу в постель, — сказал Пух, —, а завтра мы займёмся делами. Спокойной ночи!

И он лёг в постель и поскорее заснул. Первое, что он увидел утром, проснувшись, — был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на свое отражение.

— Доброе утро! — сказал Пух.

— Доброе утро! — сказал Тигра. — Смотри-ка, тут есть кто-то, точно-точно как я, а я думал, а только один такой.

Пух вышел из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошёл до самого интересного места, Тигра сказал:

— Минуточку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лезет на твой стол... БОРРАБОРРАБОРРАБОРРА! — проворчал он, схватил угол скатерти, ставил её на пол, зашвырнул в неё эти лезы, поймав его в такой самый момент, и легла испуганной Кисляк, лишь только успела проглотить и выплюнуть стелюгу.

— Кажется, — сказал Иа, — наш друг проглотил пчелу!

Друг Пука на секунду перестал тряссти головой (он пытался вырасти колочком) и объяснил, что Тигры не любят чертополоха.

— Тогда зачем было есть такой отличный жемчуг? — сурово спросил Иа.

— Но ведь ты сам говорил, — начал Пух, — ты говорил, что Тигры любят все, кроме меда и жемудай.

— И чертополох! — крикнул Тигра, который в это время бегал с высунутым языком, описывая огромные круги.

Пух грустно посмотрел на него.

— Что же мы будем делать? — спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

— Вы найдёте его у Кенги, — сказал Иа. Потом он подошел поближе к Пуу и сказал громким шепотом: — Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? В саду сейчас собирается обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед испортили ногами. Конечно, это пустяк, можно сказать, но все у нас есть свои маленькие капризы. Пух важно кивнул и позвал Тигру.

— Пошли! Мы сейчас пойдем к Кенге, уж у нее обязательно найдется для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончила последний круг и подбежала к Пуку.

— Желает! — объяснил он, широко и приветливо улыбаясь. — Пошли! — И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чем думать, а Пух ничего не говорил, потому что думал о новом стихотворении, и, когда он все хорошенько обдумал, он начал:

Чего делать с бедным Тигрой?

Как нам его спасти?

Ведь так, кто ничего не ест,

Не может и расти!

А он не ест ни меда,

Ни вкусных жемудай —

Ни ничего, чем кормят

Парадных людей!

Он даже отказался

Жевать чертополох,

Чем вызвал в наших Обществе

Большой переполох!

Так что ж нам делать с Тигрой?

Как нам его спасти?

Ведь Тигра очень нужно

Минимално подрасти!

— Да он ведь и так уже очень большой, — сказал Пятачок.

— На самом деле он еще не очень большой.

— Ну, он кажется очень большим. Просто огромным.

Пух услышав это, задумался и пробормотал про себя:

Не знаю я точно и нем Метров,

И Литров, и Килограмм,

На Тигры, куда они привыкли,

ОГРОМНЫМИ кажутся нам!

— Теперь стихотворение закончено, — сказал он. — Тебе оно нравится, Пятачок?

— Все, кроме Литров, — сказал Пятачок. — По-моему, они тут ни к чему.

— А они обязательно хотели встать сюда Метров, — объяснил Пух. — Вот я их и загнать туда, чтобы отвязался. Вообще это самый лучший способ писать стихи — позволить вещам становиться туда, куда они хотят.

— Этого я не знал, — сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал вперед, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: «Сюда идти?» И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился со всех ног к нему.

— Ах, это ты, Тигра! — сказала Кристофер Робин. — Я знал, что ты где-нибудь тут.

— А я сколько всего нашел в лесу! — с гордостью сказал Тигра. — Я нашел пух, и пятачок нашел, и еще иа нашел! А вот завтрака я нигде не нашел.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину, обнялись с ним и рассказали, в чем дело.

— Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? — спросил Пух.

— Если я очень постарался, я, наверно, вспомню, — сказал Кристофер Робин. —, но я думаю, что Тигра сам знает.

— Я знаю, — сказал Тигра, — они любят все на свете, кроме меда и жемудай и еще — как эти жуки называются?

— Чертополох.

— Да и еще кроме этих,

— Ну что же, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом, и когда Крошка Ру сказал «Здравствуй, Пух!» и «Здравствуй, Пятачок» (по одному разу), и «Здравствуй, Тигра» (два раза, потому что это очень забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда еще так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: «Ну что ж, милый Тигра, затовни в мой буфет и поиграй — что тебе там понравится». Ведь Кенга сразу поняла, что, хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

— А можно мне тоже полетать? — сказал Пух, который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатилетним, и, получив согласие, он разсыпал небольшую банку спущенного молока. Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят спущенного молока, и он тихонечко унес банку в угол и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра совал то свой нос, то ленту, то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят. И когда он переверл весь буфет и нашел все, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

— Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок — все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: «Может, не надо?» —, а Кенга говорила: «Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал».

— Что это там такое? — шепнула Тигра Пятачку.

— Это ему лекарство дают, — сказал Пятачок. — Вытащишь! Он их ненавидит!

Тигра подошла поближе и наклонился над слиткой креска Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое «буль-буль», и, подождав от удивления, Кенга воскликнула: «Ох!» — и указала ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезла в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

— Господи, Тигра, милый — сказала Кенга.

— Он мое лекарство принял, он мое лекарство принял, он принял мое лекарство! — в восторге закричал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошел ходить кругами вокруг мордочки, на тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем он озарила умиротворенная улыбка, и он сказал:

— Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поспешно в дом у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую кашки, которой завтракала Ру.

— Но я лично считаю, — говорил в таких случаях Пятачок Пуку, — я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Кролик очень занят и мы впервые встречаемся с пятнистым Щасвирусом

Все предавалось, что у Кролика опять будет очень занятый день. Бада успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало все проверить, все выяснить, все разъяснить и, наконец, самое главное — что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуку и сказать: «Ну что ж, оллэнго, тогда я передам Патачку», а затем к Пагану и сообщить: «Пук считает..., Но лучше я сначала заплачу к Сову». Начинался такой, как бы вам сказать, комедиантский день, когда все говорит: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейшего распоряжений. Кролик вышел из дому и, прикинься к теплоту весеннему ветру, размышляя о том, с чего начать.

Ближе всех к нему был дед Кенга, а в домике Кенга был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик» и «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безоглядно находились еще один зверь — непотушный и наугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда сам лучше вас все знает, и, если вы говорите ему: куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберетесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: «Ну вот, мы у цели!»

— Нет, к Кенге не надо, — задумчиво сказал Кролик, поджуривая ушки. И, желая осомнительно удостовериться в том, что он туда не идет, он повернул налево и побегал привычно к дому Кристофера Робина.

«Что ли говори, — говорил Кролик про себя, — Кристофер Робин надеется только на меня. Он, конечно, любит Пука, и Патачку, и Иа, я — тоже, но у них у всех в голове оплыви. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет написать слово «суббота» даже если он пишет его неправильно, но правильноеписание — это еще не все. Бывают такие дни, когда умение написать слово «суббота» просто не считается. А Кенга слишком занят Крошкой Ру, а Крошка Ру слишком маленький, а Тигра слишком непотушный, так что, когда наступит ответственный момент, надеяться можно только на меня. Я тогда и уйду, и ни кому не нужно помочь, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий».

Он весело перешел на другой берег реки и вскоре оказался в районе, где жили его Родственники и Знакомые; сегодня их было, кажется, еще больше обыкновенного. Кинул одному другому Еву (поздоровался с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросил: «Доброе утро, доброе утро» — еще кое-кому и снисходительно приветствовал самых маленьких словами: «Ах, это вы». Кролик махнул им всем лапкой и окрылся. Все это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Козырей, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремуний Лес и полетели на деревьях надеясь, что они успеют забраться на верхушку до того, как это — что бы оно там ни было — случится, и они смогут все как следует увидеть.

Кролик наелся по олушке Дремуного Леса, с каждой минутой все больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он раза два окликнул Кристофера Робина. Потом он отогнал немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, еще покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашел с другой стороны и опять покричал: «Эй!» и «Слушай!» и «Эй, Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался, и все замолкало и прислушалось вместе с ним, и в осеннем солнце Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной вышине зашел жаворонок.

— Обидно, — сказал Кролик, — он ушел.

Он снова повернулся к зеленой двери, просто так для порядка, и выбирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно исторично, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка: очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказала Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять пишут! Вот что там говорилось!

Ушел шаксвирус.

Занят шаксвирус.

КР.

— Ага! — повторил Кролик. — Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремуному Лесу к дому Совы. Он подошел к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока, наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Убирайся, я предаюсь размышлениям, — ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова, — сказал Кролик деловито, — у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду думать по-настоящему, то это нас с тобой дело.

— Да, — сказала Сова, — я этим и занималась.

— Прости вот это.

Сова звала у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на нее в некотором замешательстве. Она конечно, умела подписываться — «Сова» и умела написать: «Суббота» так, что вы понимали, что это не вторич, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не загорадывали через плечо и не страчивали ежеминутно: «Ну так что же?» Да, она умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да, — сказала Сова очень умным голосом. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно, — сказала Сова. — Вот именно. — И после некоторого размышления она добавила: — Если бы ты не зашел ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

— Почему? — спросил Кролик.

— По этой самой причине, — сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь вывить.

— Вчера утром, — торжественно произнес Кролик, — я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколота записка.

— Эта самая записка?

— Другая, Но смысл ее был тот же самый. Все это очень странно.

— Поразительно, — сказала Сова, снова уставившись на записку. На минутку ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина. — Что же ты сделал?

— Ничего.

— Это самое лучшее, — ответила мудрая Сова.

Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.

— Ну так что же? — повторил неутомимый Кролик.

— Конечно, это совершенно неоспоримо, — пробормотала Сова.

С минуту она бесконечно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг ее осенило.

— Скажи мне, Кролик, — сказала она, — что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого все зависит. Повтори слово в слове.

— Да то же самое, что и в этой, честное слово! Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением сплунуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она еще раз попыталась высказать, о чем же все-таки идет разговор.

— Прошу повторить точный текст, — сказала она, словно не обратил внимание на то, что сказал Кролик.

— Да там было написано: «Ушел шаксвирус». То же самое, что и здесь, только здесь еще добавлено: «Занят шаксвирус».

Сова с облегчением вздохнула.

— Ну вот, — сказала Сова, — вот теперь наше положение стало яснее.

— Да, но каково положение Кристофера Робина? — сказал Кролик. — Где он сейчас? Вот в чем вопрос!

Сова снова взглядела на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать такую записку: «Ушел шаксвирус. Занят шаксвирус». А что тут еще могло быть написано?

— По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло, — сказала она. — Кристофер Робин куда-то ушел с Шаксвирусом. Он и этот... Шаксвирус сейчас чем-то занят. Ты за последнее время встречал у нас в Лесу каких-нибудь Шаксвирусов?

— М-м-м — сказал Кролик, — а как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?

— Ну, — сказала Сова, — пятнистый или травяной Шаксвирус — это просто... По крайней мере, — сказала она, — он больше всего похож на... Но, конечно, — продолжала она, — это сильно зависит от... Ну... — сказала Сова. — Словом, я плохо представляю себе не внешний вид, — закончила она чистосердечно.

— Большое спасибо, — сказал Кролик.

И он поспешно к Венни-Пуку.

Еще издали он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Венни-Пук, а шум был вот какой:

АГАДОНЬИ ШУМ

Опять, ничего не могу я понять.

Опшлы мои — в беспорядке.

Везде и повсюду, опять и опять

Меня окружают загадки.

Возьмем это самое слово опять.

Зачем мы его спрашиваем.

Когда мы свободны могли бы сказать:

«Освободи!» и «освободи!» и «освободи!»?

Молчит этакими, молчит и тата —

У них не добьешься ответа.

Зачем это это — обязательно так.

А жюри, как правило, это!

«Собака кусается... Что ж, не беда.

Загодично так, что собаки,

Хотя и кусается, но никогда

Себя не кусает, однако...

О если бы мог я все это понять!

Опять прийти бы в парадокс!

А то мне — заодно? — хочется спать

От всех этих Трудных Задач!

— Заораво. Пух, — сказал Кролик.

— Здравствуй, Кролик, — сказал Пух сонно.

— Это ты сам додумался?

— Да, вроде как сам, — отвечал Пух. — Не то чтобы я умел думать, — продолжал он скромно — ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

— Угу, — сказал Кролик, который никогда не позволял никому находить на него, а всегда все находил и хватал сам. — Так вот, дело вот в чем: ты когда-нибудь видел Патчиного или Травяного Шасвинуса у нас в Лесу?

— Нет, — сказал Пух. — Никто. Нет. Вот Тигру видел сейчас.

— Он нам ни к чему.

— Да, — сказал Пух. — я и сам так думаю.

— А Патчика ты видел?

— Да, — сказал Пух. — Я думаю, он сейчас тоже ни к чему, — продолжал он сонно.

— Ну, это зависит от того, видел он кого-нибудь или нет.

— Он меня видел, — сказал Пух. Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но почувствовал, что это умаляет его достоинство, снова встал и сказал:

— Если сформулировать нашу задачу, то ее можно изложить так: «Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?»

— Что он делает?

— Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Требуются свидетельства очевидца за последние несколько дней.

— Да, — сказал Пух. — Мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порадочную, солидную корзиночку, получу...

— Да, да, — сказал Кролик. — все понятно. Но имее в виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

— Ну, — сказал Пух, — в одиннадцать часов... одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

— А в четверть двенадцатого?

— Ну... — начал Пух.

— В полдвенадцатого?

— Да, — сказал Пух. — В полдвенадцатого или немножко позже я обычно выжусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил, что он действительно давно не видел Кристофера Робина в это время. После обеда — да, вечером — да, перед завтраком — да, сразу после завтрака — да, а потом, действительно: «Ну, Пух, скоро увидимся», и Кристофер Робин исчезает на все утро.

— Вот то-то и оно, — сказал Кролик. — Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что? — спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать, — сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

— Патчиного или Травяного Шасвинуса?

— Да, — сказал Пух, — одного из них. Если он не на месте.

Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

— Кажется, толку от тебя немного, — сказал он.

— Нет, — сказал Пух. —, Не я стараюсь, — добавил он смиренно.

Кролик поблблблблблбл его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он подождет Патчака.

Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушел.

Но случилось так, что первым встретил Патчака как раз Кролик. Патчака в этот день, очень-очень рано и решил нарезать себе букетик фиалок, и, когда он нарезал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарезал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как трудно быть осликом, которому никто никогда в жизни даже не нарезал букета фиалок. И он снова поначался на худачку, потерялся про себя: «Иа, фиалки», а потом: «Фиалки, Иа-Иа», чтобы не забыть.

Патчака нарезал большой букет и побежал рысцой к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя несобыкновенно счастливым.

— Здравствуй, Иа, — начал Патчака немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и показал Патчаке, чтобы ушел.

— Завтра, — сказал Иа, — или послезавтра.

Патчака подошел поближе посмотреть, в чем дело. Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперек них. Патчака подумал, что, наверно, это какая-нибудь Загадка.

— Ой, Иа, — снова начал он, — я как раз...

— Это маленький Патчака? — сказал Иа, на отрывая взора от своих палочек.

— Да, Иа, и я...

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — сказал Патчака.

— Это «А».

— Ой Ой — сказал Патчака.

— Какое «А»? Это «АА»? — строго сказал Иа. — Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

— Да, — сказал Патчака. — Нет, — быстро и поспешно он и подарил еще гоббеле.

— Кристофер Робин сказал, что это «А», — значит это и будет «А». Во всяком случае, пока кто-нибудь на него не наступит, — добавил Иа сурово.

Патчака постыдно отскочил назад и понохал свои фиалки.

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Патчака?

— Нет, Иа, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование. Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает А.

— Ой — снова сказал Патчака. — Я хотел сказать «да ну!» — поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Патчака. В этом Лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: «Ну Иа — это всего лишь Иа. Он не считается». Они разгуливают тут взад и вперед и говорят: «Ха-ха!» а что они знают про букву «АА»? Ничего. Для них это просто три палочки. Но для Образованного, заметь себе это, маленький Патчака, для

Образованный — а не говорю о Пухе и Питачке! — это значимая и могучая буква «А». Да, это тебе не такая вещь, — добавил он, — про которую каждый знает, чем это пахнет!

Пятачок ошущенно спрятал за спину фиалки и оглянулся в поисках помощи.

— А вот и Кролик, — сказал он радостно. — Здравствуй, Кролик.

Кролик с важным видом подошел поближе, винул Питачку и сказал: «Привет, Иа», тонким, ясно говорившим, «по слуху на более двух минут» он скажет: «Всего хорошего».

— Иа, у меня к тебе только один вопрос: Что это делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

— Что в сейчас вижу перед собой? — сказал Иа, не поднимая глаз.

— Три палочки, — не задумываясь, ответил Кролик.

— Вот видишь? — сказал Иа Питачку. Потом он повернулся к Кролику. — Теперь я отвечу на твой вопрос. — торжественно сказал он.

— Спасибо. — сказала Кролик.

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обладает — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, и заблуждаюсь, — он обладает знаниями. В черту своих скромных сил я также — если я правильно усвоил это слово — обладаю, делая то же, что и он. Вот это, например, буква...

— Буква «А», — сказала Кролик, —, но не очень удачная. Ну ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Питачку.

— Как сказал Кролик? Что это такое? — спросил он.

— «А», — сказала Питачка.

— Это ты ему сказал?

— Нет, Иа, я не говорил, я думаю, он сам знает.

— Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то Кролик знает букву «А»?

— Да, Иа. Он очень умный, Кролик, то.

— Умный!... — сказала Иа с презрением, из-за всех сил наступил копытом на свои три палочки.

— Образованный!... — с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их стало уже шесть).

— Что такое наука? — спросил Иа, лагая палочки (их было уже двенадцать), так что они взлетели в воздух. — Какой-то Кролик все это знает. Ха!...

— Я думаю... — начал Пятачок робко.

— Не надо! — сказал Иа. Иа.

— Я думаю, фиалки довольно милые. — сказал Пятачок. Он положил перед Иа свой букет и учился.

На следующее утро заглянул на двери Кристофера Робина (ласла):

Я ушел

сейчас вернусь

К.Р.

Вот почему все обитатели леса — за исключением, конечно, Питачки или Травяного Цаплиныса — отныне знают, чем Кристофер Робин занимается по утрам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой выясняется, что тигры не лезят по деревьям

Случилось однажды так, что Винни-Пух о чем-то думал. И вот он подумал, что не мешало бы пойти навестить Иа, потому что они не виделись со вчерашнего дня. Он пошел к Иа, расстелая песенку, но вдруг он вспомнил, что не видел Сову с позавчерашнего дня, и решил по пути заглянуть в Дремучий Лес и посмотреть, дома ли Сова. Он пошел к Реке, мурлыкая ту же песенку, но, когда он дошел до третьего камня кладки, по которой перебрался Реку, он забеспокоился о том, как поживает Кенга, и Ру, и Тигра. Пух подумал: «Я не видел Крошку Ру очень долгое время, а если я его не увижу сегодня, оно будет гораздо-гораздо дольше!»

И тут он сел на камушек посредине Реки и, раздумывая, что же ему теперь делать, спел еще кусочек той же песни.

Кусочек, который он спел, был приблизительно вот такой:

Что мне делать, интересно;

Поутру?

В чашечку сыграть ползано

С Крошкой Ру —

Сливать чайная ложка;

Это мне к лицу.

К тому же

Буду приятен и не хуже

Кен-

ру-

ру!

А солнце было такое ласковое и теплое, и камень, который лежал на солнышке уже давно, тоже был такой теплый, что Пух почти уже решил: провести на нем все утро. И вдруг он вспомнил про Кролика.

«Да Кролик! — сказал Пух про себя. — Я люблю с ним поговорить. Он всегда понятно говорит. Он не любит длинных, трудных слов, но это то Сова. Он любит простые, легкие слова, например: «Закусить!» или «Утощайся, Пух!» Да, по-моему, мне надо пойти навестить Кролика!»

Тут к песенке прибавился новый кусочек:

Очень мил бывает Кролик

Иногда;

С ним приятно сидеть за столы;

Да-да-да!

Теп, кто хочет подкрепиться,

С ним всегда доверяется,

Если только погорючиться

Не-

ху-

да!

И, когда Пух спел все это, он подполз к камню, вернулся назад на берег и решительно отправился к дому Кролика. Но не прошел он и нескольких шагов, как начал спрашивать себя (ведь больше-то у него рядом не было):

«А вдруг Кролика нет дома?»

«Или вдруг в опять застряну у него в двери на обратном пути, как однажды уже случилось, потому что дверь у него была слишком узкая?»

«Ведь я-то знаю, что я не растолстел, но его дверь вполне могла позудеть!»

«Да пожалуй, лучше будет...»

И все это время он незаметно забирал левее и левее... пока не оказался к своему большому удивлению, у своей собственной двери.

Было однанадцать часов. Вполне подходящее время, чтобы немножко...

Словом, спустя полчаса Пух отправился туда, куда ему действительно хотелось отправиться, а именно к Питачку, и по дороге он утирал пухи лапкой и лез довольно пушистую песенку. Вот какую:

Хорошо живет на свете Винни-Пух!

Оптого лопот он эти Ласны вслух!

И невзначай, чем он думает,

Если он толстеть не становится,

А едой он лакомиться не спешит,

А, изобразил,

па-

ху-

бывает!

Конечно, напевание здесь эти строки кажутся не особенно хорошими, но Пух, напевая эту песенку в очень солнечное утро, после очень, очень сытного завтрака, был уверен, что это одна из лучших песен, какие он сочинил в жизни. И он пел и пел ее в свое удовольствие.

Пятачок копал ямку в земле у самой своей двери

— Здравствуй, Питачок! — закрывая Винни-Пух

... (П.К. Калашников: «Пух!» — название Пятачка, по-моему, не совсем удачное) ... А в конце — что-то еще!

— Я тоже, — сказал Пух, — А что ты делаешь?

— Я сажаю желуды. Пух, и пусай из него вырастет дуб, и тут будет много, много желудей у самого дома, а то за ними приходится ходить бог знает куда. Понимаешь?

— А вдруг не вырастет? — спросил Пух.

— Вырастет, потому что Кристофер Робин сказал — обязательно вырастет. Поэтому я его и сажаю.

— Гм, — сказал Пух, — А я тогда посажу соты с медом в своем садике, и из них вырастет целый улей.

Пятачок был в этом не вполне уверен.

— Или лучше кусочек соды, — сказал Пух, — Особенно разбрасывать сотами не приходится. Только вот тогда может вырасти не целый улей, а кусочек, да еще вдруг неравильный кусочек — тот, где пчелы только жуужжат, а меда не делают. Вот обидно!

Пятачок согласился, что это будет довольно обидно.

— Между прочим, Пух, сажать очень трудно, если ты не знаешь как, — сказал он, — это надо уметь, — И он положил желуды в пригосовленную ямку, засыпал его землей и попрыгал на этом месте.

— И-то умею сажать, — сказал Винни-Пух, потому что Кристофер Робин дал мне семена котятков и винтиков, нет — гвоздиком! И я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник. — котятки и гвоздики. Или винтики.

— Я думаю, они называются ноголки, — неуверенно сказал Пятачок, не переставая прыгать, — а гвоздики... гвоздики — это, наверно, гвоздики!

— Нет, — сказал Пух, — мои цветы называются котятки и винтики!

Попрыгав хорошенько, Пятачок вытер лалки о живот и сказал: «Что мы теперь будем делать?», а Пух сказал: «Пойдем навестим Кенгу, Ру и Тигру», и Пятачок сказал: «И-да-давай в п. пойдём», — потому что он все еще немножко побаивался Тигру, Тигра был ужасно прыгучий, и у него была такая манера здороваться, что у вас потом всегда были полны ушм песку, даже после того, как Кенга скажет: «Тигра, деточка, осторожнее!» — и поможет вам встать.

Они отправились в путь.

А в этот самый день у Кенги было ужасно хозяйственное настроение. Она решила везде навести порядок и пересчитать все белки и выяснить, сколько осталось у нее кусков мила, и сколько у Тигры осталось чистых салфеток, и сколько у Ру осталось чистых передников, так что она выставила их обок из дому, снабдив Ру пакетом бутербродов с саломом, а Тигру пакетом бутербродов с рыбьими жорами, чтобы они могли славно провести время в лесу.

По дороге Тигра рассказывал Ру (которого это очень интересовало) обо всем, что умеют делать Тигры.

— А летать они умеют? — спросил Ру.

— Тигры-то? — сказал Тигра, — Летать? Тоже спросил! Они знают как летают!

— О! — сказал Ру, — А они могут летать не хуже Совы!

— Еще бы! — сказал Тигра, — Только они не котят.

— А почему они не котят?

— Ну, или это почему-то не нравится.

Ру никак не мог этого понять, потому что ему-то ужасно хотелось полетать, но Тигра объяснил ему, что надо самому быть Тигрой, чтобы это понять.

— А прыгать? — спросил Ру, — Могут Тигры прыгать, как Кенги!

— Спрашиваешь! — сказал Тигра, — Еще как! Когда котят, конечно.

— Ой, как я люблю прыгать! — сказал Ру, — Давай посмотрим, кто дальше прыгнет — ты или я?

— Конечно, я, — сказал Тигра, — только мы сейчас не будем задерживаться, а то еще споздаем.

— Куда споздаем?

— Туда, куда нам надо прийти вовремя, — сказал Тигра, ускоряя шаги. Вскоре они добрались до Шести Сосен.

— А я умею плавать, — сообщил Ру, — я один раз упал в Реку и плавал, — А Тигры умеют плавать?

— Конечно, умеют. Тигры все умеют.

— А по деревьям они умеют лазить лучше, чем Пух? — спросил Ру, остановившись перед самой высокой из Шести Сосен и задрал голову.

— По деревьям они лазают лучше всех на свете, — сказал Тигра, — гораздо лучше всяких Пугов!

— А на это дерево они могут влезть?

— Они всегда лазают как раз по таким деревьям, — сказал Тигра, — Целый день лазают: по вверх, по вниз.

— Ой, Тигра, правда?

— А вот сейчас увидишь, — сказал Тигра решительно, — садись ко мне на закорки и увидишь.

Он внезапно почувствовал, что лазание по деревьям — это единственный талант тигров, в котором он действительно уверен.

— Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! — пищал Крошка Ру в восторге. Он забрался Тигре на спину, и они полезли.

До первого сучья Тигра радостно повторял (про себя) «А мы лезем!»

Добравшись до следующего сучья, он с гордостью сказал (про себя): «Ну что, а зря говорил, что Тигры умеют лазить по деревьям?» Забравшись еще повыше он сказал (про себя): «Конечно, это не так легко, что говорить!...»

А еще повыше он сказал:

— Ведь слезать тоже придется. Задом.

А еще — еще повыше:

— И это будет трудновато...

— Всем на упась...

— А зато тогда это, кажется, будет совсем...

— Легко!

И как только он сказал «легко», ветка, на которой он стоял, внезапно сломалась, и он, чувствуя, что падает, едва-едва успел вцепиться в вереваную ветку. Затем он махнул, надменно подняв голову, зачитилось подбородком за эту ветку... Затем подтянул одну заднюю лапу... Потом другую... И, наконец, он устоял на эту ветку, тяжело дыша и от души жалея, что он вместо всего этого не попробовал заняться плаванием.

Ру слез с Тигры и усеялся рядышком.

— Ой, Тигра, — радостно сказал он, — мы уже на самой вершине!

— Нет, — сказал Тигра.

— А мы полезли на вершину?

— Н-е-т, — проворчал Тигра.

— У-у! — сказала Ру довольно грустно, но тут же радостно продолжал: «А здорово это у тебя получилось, когда ты стал понарошку падать, а потом встал и не упал. Давай еще разок?»

— Н-е-т! — прорычал Тигра.

Ру немного помолчал, а потом спросил:

— А можно, мы съедим бутерброды, Тигра?

— Давай. А где они? — спросил Тигра.

— Они там внизу, под деревьям.

Тигра сказал:

— Я думаю, мы лучше их побережем немного.

Так они и сделали.

Тем временем Винни-Пух и Пятачок продолжали свою прогулку. Пух в стихах сообщал Пятачку, что нелегко, чем он занят, так как он трастеть не станет, а ведь он трастеть не станет», а Пятачок размышлял о том, скоро ли вырастет посаженный им желуды.

— Пух, гляди, — неожиданно появился Пятачок, — там на Сосне кто-то сидит.

— Верно, — сказал Пух с интересом вглядываясь вдаль. — Там какой-то зверь.

Пятачок сказал Пуха за хвост, очевидно, чтобы Пух не очень пугался.

— Это какой-нибудь Хвостый Зверь? — спросил он, стараясь смотреть в другую сторону.

Пух кивнул.

— Это Ягулар, — сказал он.

—, А что Ягулары делают? — спросил Пятачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.

— Они прыгают на ветках деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревом, — сказал Пух. — Кристофер Робин мне все-все про них рассказывал.

— Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву. Пух, а то он еще бросится оттуда и ушибется.

— Они не ушибаются, — сказал Пух, — она здорово умеет бросаться.

Однако Пятачок это почему-то не утешило. Он все-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву, с которого того гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собирался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягулар подав голос.

— Помогите, помогите! — закричал он.

— Ягулары — они всегда так, — сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями. — Они кричат: «Помогите, помогите!», а когда вы посмотрите вверх — бросаются на вас.

— Я смотрю вниз, вниз! — закричал Пятачок очень громко, чтобы Ягулар по ошибке не сделал того, чего не надо.

В ответ донесся чей-то восторженный писк с той самой ветки, где сидел Ягулар:

— Пух и Пятачок! Пух и Пятачок!

И Пятачок неожиданно почувствовал, что сегодня прекрасный день, гораздо лучше, чем ему только что казалось. Такой солнечный, теплый денек!

— Пух! — крикнул он. — Почему, это Тигра и Ру.

— По-моему, тоже, — сказал Пух. —, А я думал, это Ягулар и... и еще один Ягулар.

— Эй, Ру, — крикнул Пятачок, — что вы там делаете?

— Мы не можем слезть! Мы не можем слезть! — кричал Ру. — Здорово, правда? Пух, вот здорово! Мы с Тигрой живем на дереве, как Сове! И мы теперь всегда тут будем жить! А я вижу дом Пятачка! Пятачок! Я отсюда твой дом вижу! Высоко мы забрались, правда? Сове и то ниже нас живем!

— Как ты туда попал, Ру? — спросил Пятачок.

— Меня Тигра привез! А Тигра вниз лезть не может, потому что у них хвосты очень пуляются между ног. Они только вверх умеют! А когда мы полезли, Тигра про это забыл, а сейчас он уже вспомнил, и мы тут теперь всегда-всегда будем жить! А может, еще выше залезем! Что ты сказал, Тигра? А-а! Тигра говорит, что, если мы заберемся выше, нам не так хорошо будет видно дом Пятачка, так что мы уж тут останемся.

— Пятачок, — торжественно сказал Пух, выслушав все это, — что мы можем предпринять?

И он принялся за бутерброды Тигры.

— Они погались? — тревожно спросил Пятачок.

Веник-Пух кивнул.

—, А ты не можешь влезть к ним?

— Я могу, Пятачок. Я могу слезть оттуда Крошку Ру, но Тигру я слезть не могу, мне его не дотянуть. Надо что-нибудь придумать.

И в раздумьи он начал жевать бутерброды Крошки Ру...

Наконец, может быть, Пух и успел бы что-нибудь придумать, даже последний бутерброд, но едва он за него принялся, как в кустах послышался треск и оттуда появились Иа и Кристофер Робин.

— Никтолько не удивлюсь, если завтра выпадет град, — говорил Иа. — Того и жди. Бураны вылетят и тому подобное. Сегодня, конечно, хорошая погода, но это еще ничего не значит: это еще не сулит хороших новостей... или как там это называется? Словом, ничего такого не сулит... Это просто небольшая порция погоды. И все тут.

—, А вот и Пух, — сказал Кристофер Робин. Ему, очевидно, было безразлично, что порция хорошей погоды не очень большая, лишь бы она была хорошей. — Здравствуй, Пух!

— Это Кристофер Робин, — сказал Пятачок. — Вот он-то знает, что делать! Они погались ему на встречу.

— Ой, Кристофер Робин... — начал Пух.

—, А также Иа, — сказал Иа.

— Тигра и Крошка Ру залезли прямо на Шесть Сосен и не могут слезть и...

—, А я как раз говорил, — перебил Пятачок, — что если только Кристофер Робин...

—, А также Иа-Иа, — сказал Иа, снова напевая, что с ним позвали поздороваться.

— Если бы только вы оба были здесь, то мы бы могли что-нибудь придумать! — сказали Пух и Пятачок.

Кристофер Робин взглянул вверх, увидел Тигру и Крошку Ру и попытался что-нибудь придумать.

— Я думаю, — сказал глубокомысленно Пятачок, — что если бы Иа встал под деревом, а Пух встал к нему на спину, а я встал на плечи Пуха...

— И если бы спина Иа-Иа неожиданно треснула, то мы бы все здорово поспались. Ха-ха-ха! Как забавно! — сказал Иа. — Очень приятное развлечение, но боюсь, не особенно полезное.

— Ну, — сказал Пятачок жалобно, — я только думаю...

— Ты думаешь, твоя спина сломается бы Иа? — спросил ужасно удивленный Пух.

— Заранее тут ничего сказать нельзя, милый Веник. И это, конечно, как раз самое интересное!

Пух сказал: «Ох», и все снова принялся думать.

— Ура, я придумал! — вдруг закричал Кристофер Робин.

— Слушай внимательно, маленький Пятачок, — сказал Иа, — и ты скоро будешь знать, что мы намерены предпринять.

— Я слышу рубашку, и мы все возмем ее за края, и тогда Крошка Ру и Тигра могут туда прыгнуть, все равно как в гамак, они только покажутся и несколько не ушибутся.

— Как слезть Тигру с дерева, — сказал Иа-Иа, — и никому не повредить! Придерживаясь этих правил, уважаемый Пятачок, и все будет в порядке!

Но уважаемый Пятачок ничего не слышал — так он возмущался при мысли, что снова увидит голубые помочи Кристофера Робина. Он уже их видел однажды, когда был гораздо моложе, и пришел тогда в такое возбуждение, что его уложили спать на полчаса раньше обычного.

И с тех пор он всегда мечтал проверить, действительно ли они такие голубые и такие помочные, как ему показало.

Поэтому, когда Кристофер Робин снял рубашку и ожидание Пятачка оправдалось в полной мере, Пятачок на радостях простил Иа обиду, ласково улыбнулся ему и даже влился за тот же край рубашки.

А Иа шепнул ему:

— Конечно, и теперь нельзя ругаться, что не произойдет несчастного случая. Несчастные случаи — очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно.

Когда Крошка Ру поняла, что ему нужно сделать, он прошепал в безумный восторг и залился:

— Тигра, Тигра, мы сейчас будем прыгать! Ты погляди, как я прыгаю! Я сейчас просто палец, вот увидишь. А Тигру так могут? Кристофер Робин! Я пошел — крикнул он, прыгнув — и угодил в самый центр спасательной рубашки.

Летел он так быстро, что его снова подбросило почти на такую же высоту и он еще долго продолжал подлетать вверх, приговаривая: «О, ой»

Наконец он остановился и сказал: «Ой, как здорово!» — и его опустили на землю.

— Давай, Тигра! — крикнул он. — Это очень просто!

Но Тигра изо всей силы держался за ветку и говорил про себя: «Конечно, прыгающим животным, вроде Кенги, это хорошо, но для плавающих животных, вроде Тигров, это совершенно другое дело».

И он почему-то вдруг представил себе, как он плавает на спинке вниз по течению или весело ныряет в прохладной влаге реки, и почувствовал, что это и есть настоящая жизнь для Тигры.

— Давай, давай! — крикнул Кристофер Робин. — Не бойся.

— Сейчас минуточку, — черкнул сказал Тигра, — мне что-то в глаз попало! И он медленно, медленно поковылял по ветке.

— Давай, давай, это очень просто! — пролищал Крошка Ру.

И вдруг Тигра почувствовал, как это просто.

— Ой! — крикнул он, видя, как дерево проносится мимо него.

— Берегитесь! — крикнул Кристофер Робин спасателям.

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала. Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа-Иа.

— Ой, Иа! — крикнул Кристофер Робин. — Тебе не больно? — Он заботливо ощупал ослика, стравнул с него пыль и помог ему встать на ноги.

Иа-Иа долгое время ничего не говорил.

Потом он спросил:

— Тигра здесь?

Тигра был здесь и снова в прекрасном настроении.

— Да, — сказал Кристофер Робин. — Тигра здесь.

— Что ж, тогда поблагодарите его от моего имени — сказал Иа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой Винни-Пух изобретает новую игру и в неё включается Иа-Иа

К тому времени, когда река добралась до края Леса, она очень выросла — выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как раньше, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идет, и говорила себе: «Спеть нечем. Когда-нибудь все там будет». Зато все впадавшие в нее маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперед без устали, меккали то тут, то там — ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать!

Широкая тропа — пожалуй, ее можно было даже назвать дорогой — вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес ей надо было перебраться через эту Реку. И так, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подберозов на верхнюю перекладину перил, если бы захотел, но гораздо интереснее было встать на нижнюю перекладину, наклониться пониже и смотреть на Реку, медленно скользящую куда-то. Винни-Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подберозов на нижнюю перекладину, но куда интереснее было лечь на животик, просунуть голову под перекладину и смотреть, как внизу медленно скользят Река, для Пятачка же и Крошка Ру это был единственный способ полюбоваться Рекой, потому что они были такие маленькие, что никак не доставали даже до нижней перекладины. Они лежали под перекладину и смотрели на Реку...

А Река текла и текла, медленно и плавно — ведь спешить ей было некуда.

Однажды по пути к мостику Винни-Пух старался считать какой-нибудь стишок про шишки, потому что кругом вылилось множество шишек, а у Винни было политическое настроение. Он взял одну шишку посмотрел на нее и сказал про себя: «Это очень хорошая шишка, и, конечно, она должна с чем-нибудь рифмоваться». Сперва он ничего не мог придумать, а потом ему вдруг пришло в голову вот что:

Ах, растут на елке шишки

Не для лисичекго Мишки!

— Хотя это неправильно, — сказал он, — потому что шишки мне могут пригодиться, а потом мы с ними хорошо рифмуемся! «Мишки — шишки»!

Тут ему пришла в голову новый стишок:

Ни спрочно ль, что Волка

Не мают жить на елке?

— Хотя «Волка» — «елки» тоже хорошо рифмуется, — пояснил Пух и продолжал:

Живут на елке белки-

Хоть елки и не елки!

Тем временем Винни как раз подошел к мосту. И так как он не смотрел себе под ноги, он споткнулся, шишка выскользнула из его лап и упала в воду.

Обычно — сказал Пух, глядя, как шишка медленно проплывает в сторону моста. Он хотел сидеть за новой шишкой, которую тоже можно было срифмовать, но потом подумал, что лучше он просто поглядит на Реку, потому что денек такой сланный; Винни-Пух лег на пупо и стал смотреть на Реку, а она медленно, плавно скользяла вдалеке...

И вдруг из-под моста появилась его шишка, тоже медленно, плавно скользящая едаль.

— Как интересно! — сказал Пух. — Я уронил ее с той стороны, а она выплыла с этой! Интересно, все шишки так делают?

Он пошел и набрал еще шишек.

Да. Они все так делали.

Тогда он бросил две шишки сразу и стал ждать, какая из них выплывает первой. И одна из них выплыла первой, но, так как они были одинакового размера, Пух не знал, была ли это та, которую он задумал, или другая. Тогда в следующий раз он бросил одну большую, а другую маленькую, и большая выплыла первой, как он и думал, а маленькая выплыла последней, как он тоже думал, так что он выиграл два раза...

И к тому времени, когда Винни пошел домой пить чай, он уже выиграл тридцать шесть раз и проиграл двадцать восемь. Иными словами, он выиграл... Ну, считайте сами двадцать восемь от тридцати шести, и вы узнаете, сколько раз он выиграл. Или — сколько раз он проиграл, если это вам интересно.

Так появилась на свет игра, которую потом назвали игрой в «Пушишки». в честь Винни-Пуха, который ее изобрел и научил играть в нее своих друзей. Только потом они стали играть палочками, вместо шишек, потому что палочки легче разложить, а игру назвали просто «Ирой в Пустяки», и в этом названии от Пуха осталось только «Пух», а от шишек вообще ничего не осталось.

И вот однажды Пух и Пятачок, и Кролик, и Крошка Ру играли в Пустяки: они бросали палочки по команде Кролика, а потом стремились нырнуть на другую сторону моста, и все гондели вно, ожидая, чья палочка выплывает первой. Ждать приходилось подолгу, потому что Река была в этот день очень ленива и, казалось, вообще не думала о том, чтобы двигаться к цели.

— А вот моя! — крикнул Крошка Ру. — Нет, не моя, это чья-то другая. Это не твою, Пятачок? Я думал, это моя, а это не моя. Вот она! Нет, не она! Это не твою, Пух?

— Нет, — отвечал Винни-Пух.

— Наверно, моя палка пропала, — сказал Ру. — Кролик, моя палка — пропала! Пятачок, а твою палка — пропала?

— Они всегда заставляют ждать дольше, чем вы думаете, — сказал Кролик.

— А сколько, ты думаешь, они заставляют ждать? — спросил Ру.

— Вот твою, Пятачок, — вдруг сказал Винни-Пух.

— Моя такая сероватая, — сказал Пятачок, сам не решаясь высунуться дальше из боязни свалиться в Реку.

— Да, да, ее я и вижу, она плывет в мою сторону.

Кролик высунулся дальше еще, высматривая свою палочку: Крошка Ру прыгал, как заводной, пища: «Палка, палка, поскорей! Палка, палка, поскорей!» — и Пятачок тоже ужасно взволновался, потому что ведь показалась только его палочка, а это означало, что он выигрывает.

— Выплывает! Вот она, — сказал Пух.

— А ты уверен, что это моя? — возмущенно закричал Пятачок.

— Да, потому что она большая и серая. Вот она плывет. Очень большая, серая... Ой, нет, это не она. Это Иа-Иа!

И из-под моста выплыл Иа-Иа.

— Иа! — закричали все разом.

Да, спокойно и величественно, задрав о небо все четыре ноги, по реке плыл Иа-Иа.

— Это Иа! — закричал Крошка Ру вне себя от волнения.

— Неужели? — оговарился Иа. Он погал в небольшой водоворот и трижды плавно повернулся вокруг своей оси. — А я-то думал. «Кто это?»

— и не знай, что ты тоже играешь. — сказал крошка Ру.

— Я не играю, — ответил Иа.

— А что же ты там делаешь? — спросил Кролик.

— Можешь отгадывать до трех раз. Кролик. Ровно zero!о? Неправильно. Пригаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жду, чтобы мне кто-нибудь помог выбраться из реки? Теперь правильно? Дайте Кролику время подумать, и он всегда все отгадает.

— Ой, Иа. — сказал Пух растерянно. — А что ж мы... я хочу сказать, как же мы... ты думаешь, если мы...

— Да. — сказал Иа. — Конечно! Один из этих вариантов будет абсолютно правлен. Спасибо тебе, Пух.

— Ой, он плывет все кругом и кругом. — сказал Крошка Ру, совершенно замканный этим зрелищем.

— Почему бы и нет? — колодно отвечал Иа.

— Я тоже умею плавть. — гордо сказал Крошка Ру.

— Но не кругом. — сказал Иа. — Кругом гораздо труднее. Я сегодня вообще не собираюсь плавать. — продолжал он, медленно вращаясь. —, но уж если пришлось, то, мне кажется, легкое вращательное движение справа налево... Или, может быть, вернее сказать. — добавил он, поплав в следующий водоворот. — слева направо... При всех обстоятельствах это мое личное дело.

Наступило молчание. Все задумались.

— Я кажется, вроде как придумал. — сказал наконец Винни-Пух. — Но я не уверен, что это будет хорошо.

— Я тоже. — сказал Иа.

— Выкладывай, Пух. — сказала Кролик. — Говори.

— Ну, если нам все будем бросить камни и всекие вещи в реку; с одного боку Иа подымутся волны, и эти волны прибьют Иа к берегу.

— Это очень хорошая Идея. — сказал Кролик.

И Винни-Пух снова повеселел.

— Очень. — сказа Иа. — Когда я захочу, чтобы меня прибили, Винни-Пух, я вам сообщу.

— А вдруг мы случайно попадем в него? — тревожно спросил Пятачок.

— Или вдруг мы случайно не попадем в него? — сказал Иа. — Обдумай все эти возможности. Пятачок, прежде чем вы начнете развлекаться.

Но Винни-Пух уже притянул самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапках.

— Я его не бросаю, я его просто уроню, Иа. — объяснил он. — И тут уж я не промахнусь, то есть я хочу сказать, что я не попаду в тебя. Ты не можешь на минутку перестать вертеться, а то меня это сбивает?

— Нет. — сказал Иа. — Мне нравится вертеться.

Кролик почувствовал, что пора ему взять на себя командование.

— Ну, Пух. — сказал он. — когда я скажу «Пора!» ты можешь пускать камня. Иа-Иа, когда я крикну «Пора!», Пух пустит свой камень.

— Большое спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.

— Пух, ты готов? Пятачок, отодвинься немного от Пуха, ты ему мешаешь. Ру, чуть-чуть назад. Вы готовы?

— Нет. — сказал Иа.

— Пора! — крикнул Кролик.

Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа-Иа исчез...

Момент был короткий, особенно для наблюдателей на берегу. Они тлепли во все глаза... И даже вид, палочки Пятачка, которая выплыла чуть-чуть вперед Кроличий пятачок, не так развлекал их, как ты могли бы ожидать. А потом — как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверно, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей Идеи. — что-то серое появилось на прибрежной отмели...

Постепенно оно становилось все больше и больше... и наконец стало ясно, что это Иа-Иа, который выходил из воды.

С дружным воплем все кинулись с моста: они тащили, и тащили, и подталкивали Иа, и вскоре он остался на твердую почву.

— Ой, Иа, до чего же ты мокрый! — сказал Пятачок, пощупав его.

Иа отряхнулся и попросил кого-нибудь объяснить Пятачку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.

— Молодец, Пух! — великодушно сказал Кролик. — Да, нам с тобой пришла в голову неплохая Идея!

— Какая Идея? — спросил Иа.

— Приблизь тебя вот так к берегу.

— Приблизь меня? — сказала Иа удивленно. — Приблизь меня? Вы что думаете — меня прибили? Да? Я просто нырнул! Пух загнул в меня огромным камнем, и, чтобы избежать тяжелого удара в грудь, я нырнул и подплыл к берегу.

— Это неправда. — шепнул Пятачок Пуху, чтобы его услышать.

— По-моему, тоже. — нерешительно сказал Пух.

— Иа — он всегда так. — сказал Пятачок. — Я лично считаю, что ты очень хорошо придумал!

Пух немного утешился. Ведь если вы Медведь с опилками в голове и думаете о делах, вы иногда с огорчением обнаруживаете, что мысль, которая казалась вам очень делной, пока она была у вас в голове, оказывается совсем не такой, когда она выходит наружу и на нее смотрят другие. Но, как бы то ни было, Иа был в Реке, а теперь его там не было, так что ничего плохого Пух не сделал.

— Как же ты упал туда, Иа? — спросил Кролик, вытирая его носовым платком Пятачка.

— Я не упал. — отвечал Иа.

— А как же...

— На меня НАСКОЧИЛИ! — сказал Иа.

— Ой. — залыщав вполголосаный Ру. — тебя кто-нибудь толкнул?

— Это-то НАСКОЧИЛ на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, размышлял — я надеюсь, кто-нибудь из вас понимает это слово. — как вдруг я ощутил СИЛОННЫЙ НАСКОК.

— Ой, Иа! — ануло все общество.

— А ты уверен, что ты не поскользнулся? — рассудительно спросил Кролик.

— Конечно. я поскользнулся. Если вы стоите на скользком берегу реки и кто-то внезапно НАСКОЧИТ на вас сзади, вы поскользнетесь. А что вы еще можете предложить?

— Но кто это сделал? — спросил Ру.

Иа не ответил.

— Наверно, это был Тигра. — с тревогой сказа Пятачок.

— Слушай, Иа. — спросил Пух. — он шутит или он нарочно? Я хочу сказать...

— Я сам об этом все время спрашиваю, медвежонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: «Что это — дружеская шутка или обидное нападение?» И когда я встал на поверхность, я ответил себе: «Мокрое дело». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— А где был Тигра? — спросил Кролик.

Прежде чем Иа успел ответить, раздался громкий треск, и из камышей появился Тигра собственной персоной.

— Всем привет! — весело сказал Тигра.

— Здравствуй, Тигра! — сказала Крошка Ру. Кролик вдруг ужасно надулся.

— Тигра. — сказал он торжественно. — Бываю любезен, объясни нам, что сейчас произошло?

— Когда сейчас? — ответил Тигра, слегка смутившись.

— Когда ты насочил на Иа и столкнул его в реку.

— Я на него не наскакивал.

— Ты на меня насочил. — мрачно сказала Иа.

— Нет, не наскакивал. У меня просто был кашель и я стоял случайно сзади Иа, и я сказал: ГРРРРР-ОПП-ПШШ-ЩЩЩЩ!

— Ты что, Пятачок? — спросил Кролик, помогая Пятачку встать и отряхнуть паль. — Все в порядке?

— Это я от неожиданности. — сказал Пятачок дрожащим голосом.

— Вот это я и называю НАСКАКИВАТЬ. — сказал Иа. — летать на лисей несомненно. Очень неприятная привычка. У меня нет возражений против пребывания Тигры в Лесу. — продолжал он. — потому что это большой Лес и в нем особенно уютно места для того, чтобы прыгать и скакать. Но я не понимаю, зачем он должен приходить в мой маленький уголок. Леса и НАСКАКИВАТЬ на меня. Главное, что в моем уголке нет ничего особенно достопримечательного. Конечно, для тех, кто любит холод, сырость и колокольи, в нем есть известная прелесть, но во всех остальных отношениях это самый обычный уголок, и если кому-нибудь пришла охота наска...

— Я не наскакивал, я кашлял. — сказал Тигра упрямо.

— На дне реки в этом трудно разобраться. — заметил Иа.

— Так вот. — сказал Кролик. — все, что я мог сказать по этому поводу... Ах, вот идет Кристофер Робин, так что пусть он это скажет.

Кристофер Робин шел по лесной дорожке в таком солнечном и безоблачном настроении, как будто бы, например, даже двадцать три — это пустыни, и думал о том, что, если он в такой день встанет на низинную перекалдину перла моста и наклонится над рекой, он вдруг узнает все-все на свете и тогда он расскажет все это Пуху, который пока еще знает не все на свете. Но когда он подошел к мосту и увидел всех своих друзей, он понял, что сегодня совсем не такой день, а совершенно другой — день, когда нужно что-то сделать.

— История такая. Кристофер Робин — начал Кролик. — Тигра...

— Ничего подобного! — сказал Тигра.

— Как бы то ни было, я оказался там! — сказал Иа.

—, Но он же, наверно, не хотел этого! — сказал Пух.

— Он просто такой прыгуний! — сказала Пятачок. — от природы.

—, А ну попробуй наскочи на меня, Тигра. — с жаром заявил Крошка Ру. — Иа, Тигра сейчас попробует наскочить на меня. Пятачок, ты как думаешь, ит...

— Ну, ну, — сказал Кролик. — я думаю, мы откажемся от мысли говорить всем сразу. Вопрос в том, что думает об этом Кристофер Робин.

— Я просто каштануй! — сказал Тигра.

— Он наскачил! — сказал Иа.

— Ну, может быть, я немножко кашканю! сказал Тигра.

— Тиги, — сказал Кролик, подняя лапку. — Что думает обо всем этом Кристофер Робин? Вот в чем вопрос.

— Ну, — сказала Кристофер Робин, не очень понимая, о чем идет речь. — Я думаю...

— Ну-ну? — сказали все.

— Я думаю, что мы все сейчас пойдем играть в Пустяки.

Так они и сделали. И представьте себе, что Иа который никогда раньше не играл в эту игру, выигрывал чаще всех!

А Крошка Ру два раза свалился в реку. Первый раз случайно, а второй раз нарочно, потому что он увидел, что из Леу выходит Кенга, и понял, что ему все равно придется сейчас отправиться спать. Кролик сказал, что он пойдет с ним, Тигра и Иа-Иа тоже ушли вместе, потому что Иа решил объяснить Тигру, как выигрывать в Пустяки («Надо пускать палочку с подковыркой, если ты понимаешь, что я хочу сказать, Тигра»), а Кристофер Робин, и Пух, и Пятачок остались на месте.

Долгое время они сидели вниз на реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

— Тигра, в общем, настоящий парень, — сказал Пятачок.

— Конечно. — сказал Кристофер Робин.

— Вообще все мы настоящие ребята! — сказал Пух. — Я так думаю; — добавил он. —, Но я не уверен, что я прав.

— Конечно, ты прав, — сказал Кристофер Робин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Тигру укрощают

Кролик и Пятачок сидели возле гаражной двери дома Винни-Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни-Пух тоже сидел с ними. Был дремлотный, летний полдень, и Лес был полон тишины, мелких звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: «Не слушай Кролика. Слушай меня!». Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы не слушать Кролика, и лишь время от времени отрывал глаза и говорил: «Ах», а потом закрывал глаза снова и говорит: «Верно, верно!». Сам же Кролик то и дело очень серьезно спрашивал: «Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?», а Пятачок не менее серьезно кивал в ответ, чтобы показать, что он все-все понимает.

— Спокойно, — сказал Кролик, добравшись наконец до конца. — Тигра в последнее время стал таким большим выскочкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой выскочка, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

— Я того же мнения, — сказал Кролик. —, А ты что скажешь, Пух?

Пух, вдрогнув, открыл глаза и сказал:

— Крайне?

— Что крайне? — спросил Кролик.

— То, что ты говорил, — сказал Пух. — Обсасанотно!

Пятачок толкнул Пуха локтем в бок, и Пух, который все больше и больше чувствовал, что его куда-то уносит, медленно поднялся и начал приходить в себя.

—, Но как нам это сделать? — спросил Пятачок.

— Нам надо дать ему хороший урок! — решительно сказал Кролик.

— Какой урок, Кролик?

— В этом-то и вопрос, — сказал Кролик.

Слово «урок» пробудило в Винни-Пухе какие-то давные воспоминания.

— Там была такая штука, которая называется «Жадеи» и еще «Юпаты», — сказал он. — Кристофер Робин как-то попытался познакомить меня с ними, но только не вышло.

— Что не вышло? — спросил Кролик.

— Кто не вышел? — спросил Пятачок.

Пух покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Наверно, ничего не вышло. А о чем мы говорим?

— Пух, — сказал Пятачок укоризненно. — Ты что, не слушаи, о чем говорил Кролик?

— Я слушаю, но мне попал в ухо какой-то меховик. Повтори, пожалуйста, Кролик, ладно?

Кролик всегда был готов повторить все, что угодно, потому что он спросил только, с какого места ему начинать, и Винни-Пух ответил, что, конечно, с того места, где мех попал ему в ухо. Тогда Кролик спросил, когда это было.

Пух ответил, что он точно не знает, потому что он не очень внимательно слушал.

Но тут Пятачок угадал дело, сказав, что они просто хотели придумать, как им отучить Тигру быть выскочкой, потому что хотя мы его все любим, но нельзя отрицать, что он ужасный выскочка.

—, А-а, понимаю! — сказал Пух.

— Он слишком много прыгает, — сказала Кролик, — и он у нас допрыгается!

Пух попытался поддумать, но все, что пришло ему в голову, было совершенно бесполезно. И он тихонько засопел вот что:

Если бы Кролик был поруганнее.

Если бы Тигру был поумнее.

Глупые игры

Нашего Тигры

Кролика бы

Не смущай никогойю, —

Если бы только...

Если бы только...

Если бы только

Нашему кролику

Рассу прибавить

Хоть малую таллау!

— Что так Пух сопит? — спросил Кролик. — Что-нибудь толковое?

— Нет, — сказал Пух грустно. — Бестолковое.

— Ну, а у меня есть идея, — сказал Кролик. — Вот как-ка: мы возьмем Тигру в поход, заведем его куда-нибудь, где он никогда не был, и как будто потеряем его там, а на следующее утро мы спят его найдем и тогда — заметишь себе мои слова, — тогда Тигра будет уже совершенно не тот.

— Почему? — спросил Винни-Пух.

— Потому что он будет Скромный Тигра. Потому что он станет! Грустным Тигрой, Маленьким Тигрой, Тихим и Вежливым Тигрой, Смирным Тигрой, Тигрой, который говорит: «Милый Кролик, как я рад тебя видеть!» Вот почему.

—, А будет он рад видеть меня и Пятачка?

— Конечно!

— Это хорошо, — сказал Пух.

—, Но я бы не хотел, чтобы он все время был Грустным. — сказал Пятачок нерешительно.

—, А Тигры никогда не бывают все время грустными, — успокоил его Кролик. — Они удивительно легко снова приходят в хорошее настроение. Я как раз спрашивал Сору — просто для проверки, — и она подтвердила, что они удивительно легко приходят в него. Но если нам удастся заставить Тигру побыть Маленьким и Грустным хотя бы пять минут, мы уже сделали доброе дело.

—, А что сказал бы об этом Кристофер Робин? — спросил Пятачок.

— Вот что, — сказал Кролик. — Он сказал бы: «Пятачок, ты сделал доброе дело. Я бы сам его сделал, если бы я не был так занят. Спасибо тебе, Пятачок. И Пуху спасибо, конечно!»

Пятачок ужасно обрадовался и окончательно поверил, что они затеяли доброе дело, а раз и Винни-Пух и Кролик будут в нем участвовать, то в этом добром деле может участвовать даже и Очень Маленькое Существо и перед этим спокойно выспись.

После этого осталось разрешить единственный вопрос — где им как будто потерять Тигру?

— Мыведедем его к Северному Полюсу. — сказал Кролик. — потому что ведь Северный Полюс мы очень долго открывали, значит, Тигре придется очень, очень, очень долго его закрывать! Ха-ха-ха!

Тут пришла очередь обрадоваться Винни-Пуху, потому что ведь это он первый нашел Северный Полюс, и, когда они придут гуай, Тигра увидит надпись, которая гласит: ОТКРЫТ ВИННИ-ПУХОМ.ПУХ ЕГО НАШЕЛ.

И тогда Тигра будет знать то, чего он сейчас, по-видимому, не знает, а именно, с каким медведем он имеет дело. С Ай-ди-Медведем!

Было решено, что они выступят в поход завтра утром и что Кролик, который жил неподалеку от Кенга, Ру и Тигра, пойдет сейчас домой и спросит Тигру, что он завтра собирается делать, потому что если он ничего не собирается, то как насчет того, чтобы отправиться на прогулку и заглянуть с собой Пуха и Пятачка? И если Тигра скажет: «Да, то все в порядке», а если он скажет: «Нет»...

— Он не скажет, — сказал Кролик. — Полоскните на меня!

И он отправился в путь, не теряя времени. На завтра погода очень изменилась. Можно сказать, что она превратилась в непогоду. Вместо солнца и тепла — холод и туман.

Самому то Пуху было не страшно, но когда он себе представил вась мед, который пчелы не сделают в этот день, ему стало их страшно жалко. Он сообщил это Пятачку, когда тот зашел за ним, а Пятачок сказал, что он думал не столько об этом, сколько о том, как холодно и грустно будет тому, кого как-будто потеряют в этот день в чаще леса, но когда они с Пуком подошли к дому Кролика, Кролик сказал им, что день самый подходящий для их загов, потому что Тигра всегда выскакивает вперед, и как только он скроется из виду, они все убегут в сторону и он никогда их больше не увидит.

— Словесно никогда? — спросил Пятачок.

— Да нет, до тех пор, пока мы не найдем его. Пятачок. До завтра или до еще когда-нибудь. Пошли. Он нас ждет.

Когда они подошли к дому Кенга, оказалось, что Крошка Ру, ближайший друг Тигры, тоже их ждет, и это портит все дело, но Кролик, прикрыв рот ланкой, шепнул Пуху: «Полоскните на меня», — и подошел к Кенге.

— Я думаю, что Ру лучше сегодня не ходить, — сказал он. — Сегодня не стоит.

— Почему? — спросил Ру. (Хотя предполагалось, что он не слышит.)

— Ужасный день, — сказал Кролик, качая головой. — Промозглая сырость. Холод. А ты сегодня утром кашкал.

— Откуда ты знаешь? — с негодованием спросил Крошка Ру.

— Дорогой мой, а ты мне даже не сказал! — укоризненно сказала Кенга.

— Это был Бискупный Кашель, — сказал Ру. — Бискупный, а не такой, о котором рассказывают маман.

— Я все же думаю, что сегодня не стоит, дорогой. Как-нибудь в другой раз!

— Тогда завтра! — спросил Ру голозом, полным надежды.

— Попробуем, — сказала Кенга.

— Ты всегда смотришь, и ничего потом не бывает, — печально сказал Крошка Ру.

— В такой день никто ничего не может рассмотреть, — сказал Кролик. — Я полагаю, мы пойдем не очень далеко и к обеду все мы... мы все... мы... Ах, Тигра, это Ты. Пошли. Вого хорошего. Ру! После обеда мы... Пошли. Пух! Все готовы? Отлично. Пошли.

И они пошли. Сначала Пух, Кролик и Пятачок шли рядом, а Тигра носился вокруг них, описывая большие круги, потом, когда тропинка стала уже, Кролик, Пятачок и Пух пошли пуском, друг за другом, а Тигра описывал вокруг них петли, и, наконец, когда по обе стороны тропинки встала колочная стена чертополоха, Тигра то убежал далеко вперед, то возвращался, иногда налетая на Кролика, а иногда и нет. И чем дальше они шли, тем гуше становился туман, так что Тигра стал по временам пропадать, и в тот самый момент, когда бы думали, что его уже совсем нет, он появлялся, выплывая: «Что же вы? Ходите!» — и, прежде чем вы успевали что-нибудь ответить, снова исчезал. Кролик обернулся и подтолкнул Пятачка.

— В следующий раз! — сказал он. — Передай Пуху.

— В следующий раз! — сказал Пятачок Пуху.

— Чего в следующий? — сказал Пух Пятачку.

Тигра неожиданно появился, налетел на Кролика и снова исчез.

— Горь, — сказал Кролик.

Он свернул в прогалину, пересекавшую тропинку, и Пух и Пятачок поначались за ним. Они притаились в высоком папоротнике, прислушиваясь. В лесу было очень, очень тихо. Они ничего не видели и ничего не слышали.

— Тсс! — сказал Кролик.

— Я и так, — сказал Пух.

Раздался топот... И снова наступило молчание.

— Эй! — сказала Тигра так близко от них и неожиданно, что Пятачок, наварно, подумал бы если бы не оказалось, что на большой его части сидит Пух.

— Где вы? Ах! — кричал Тигра.

Кролик подтолкнул локтем Пуха, и Пух отпрянул в поисках Пятачка, чтобы подтолкнуть его локтем, и не нашел его, а Пятачок продолжал вдыхать запах сырого папоротника, стараясь дышать как можно тише, и мушкетера себя очень храбро.

— Чувает! — сказал Тигра.

Наступила тишина, и спустя несколько мгновений они услышали его удаляющийся топот.

Они подождили ли еще немножко, и в лесу снова стало тихо — так тихо, что еще чуточку, и им стало бы страшно.

Кролик встал и потянулся.

— Ну! — шепнул он с гордостью. — Видели? Все, как я говорил!

— Я вот думаю, — сказал Пух, — и я думаю...

— Нет, — сказал Кролик, — не надо. Бежим. Пошли!

И все они во главе с Кроликом потнулись нутик.

— А теперь, — сказал Кролик, когда они порядочно пробежали, — мы можем поговорить. Что ты хотел сказать, Пух?

— Да ничего особенного, а почему мы сюда идем?

— Потому что эта дорога домой.

— А-а! — сказал Пух.

— А по моему, нам надо взять правее, — тревожно сказал Пятачок. — А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальные будут левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начать.

— Ну... — начал Пух нерешительно.

— Пошли! — сказал Кролик. — Я отлично знаю дорогу!

Они пошли. Спустя десять минут они снова остановились.

— Очень смешно, — сказал Кролик, — но мне вдруг пока... Ах, конечно. Пошли...

— Ну, вот мы и тут, — сказал Кролик спустя еще десять минут. — Нет, кажется...

— А теперь, — сказал Кролик спустя еще десять минут, — по моему, мы должны быть у... или мы взяли немного правее, чем я думаю?

— Прямо чудеса! — сказал Кролик спустя еще десять минут. — Почему это в тумане все выглядит так одинаково? Смешно! Ты заметил это, Пух?

Пух сказал, что заметил.

— Слова боту, что мы так хорошо знаем наш лес, а то мы могли бы заблудиться! — сказал Кролик через полчаса. И он засмеялся так беззаботно, как может смеяться только тот, кто так хорошо знает лес, что не может в нем заблудиться.

Пятачок чуточку приотстал и подобрался к Пуху сзади.

— Пух! — шепнул он.

— Что, Пятачок?

— Ничего, — сказал Пятачок и ушелся за ляпку Пуха. — Я просто хотел быть поближе к тебе.

Когда Тигра перестал ждать, что остальные найдут его, и когда ему надоело, что рядом нет никого, кому он мог бы сказать: «Эй, пошли, что ли!» — он подумал, что надо пойти домой. И он побежал назад. Первое, что сказала Кенга, увидев его, это: «А вот и наш милый Тигра! Как раз пора принимать рыбий жир!»

И она нажала ему по спине кашку. Крошка Ру с гордостью заявил: «Я уже привел, и Тигра, прости все, что было в кашке, сказал: «И в то же», а потом он и Ру стали дружными толкать друг друга, и Тигра случайно перевернул один или два стула, но ничего, а Крошка Ру случайно перевернул один, нарочно, и Кенга сказала:

— А ну пойдете побегать.

— А куда нам бежать? — спросил Крошка Ру.

— Походите и соберите мне шишек для топки, — сказала Кенга и дала им корзину.

И они послушно отправились к Шести Соснам и стали кидать друг в друга шишками, и за этим приятным занятием забыли, зачем они пришли в лес, и забыли заодно корзину под деревом, а сами отправились домой обедать.

Обед как раз подошел к концу, когда Кристофер Робин заглянул в дверь.

— Где Пух? — спросил он.

— Тигра, детка, где Пух? — спросила Кенга.

Тигра стал объяснять, что произошло, и в то же самое время Крошка Ру стал объяснять про свой бискупный Кашель, а Кенга стала уговаривать их не говорить одновременно. Так что прошло немало времени, пока Кристофер Робин понял, что Пух, Пятачок и Кролик бродят где-то в тумане, заблудившись в Лесной Чаще.

— Симпота! — щелкнул Тигра Крошке Ру. — А вот Тигры никогда не могут заблудиться!

— А почему они не могут, Тигра?

— Не могут, и все тут, — объяснил Тигра. — Так уж они устроены!

— Что ж, — сказал Кристофер Робин, — надо пойти и отыскать их. Вот и все. Пошли, Тигра.

— А можно, я тоже пойду отыщу их? — взволнованно спросил Ру.

— Я думаю, не сегодня, дорогой мой, — сказала Кенга, — как-нибудь в другой раз.

— Ну ладно, А если они заблудятся завтра, можно, я тогда отыщу их?

— Посмотрим, — сказала Кенга, а Крошка Ру, который отлично знал, что это означает, ушел в уют и начал упражняться в прыжках, отчасти потому, что он хотел попрактиковаться, а отчасти потому, что он не хотел, чтобы Кристофер Робин и Тигра заметили, как он скучен, что его не возли.

— Игас, — сказал Кролик, — мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отыскали в маленькой ямке с лесном. Пуху ужасно надела эта ямка с лесом, и он серьезно подумывал, что она просто-напросто бежит за ними по лесам, потому что, куда бы они ни направлялись, они обязательно наткнулись на нее. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я знаю, где мы», а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать, что бы такое ему сказать, но единственное, что ему пришло в голову, это: «Пожалуйста, спасите!» — а говорить это было бы, наверно, глупо, ведь с ним были Пух и Кролик. Ели долго молчали.

— Ну что ж, — сказал Кролик, по-видимому, все это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку. — Пожалуй надо идти.

— А что, если, — начал Пух не спеша, — если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять ее найти?

— Какой в этом смысл? — спросил Кролик.

— Ну, — сказал Пух, — мы все время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы ее обязательно не найдем, потому что тогда мы, может быть, найдем то, чего мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

— Не вижу в этом большого смысла, — сказал Кролик.

— Нет, — сказал Пух скромно, — его тут нет, но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

— Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я ее найду, — сказал Кролик.

— А вот я думаю, что, может быть, ты ее не найдешь. — сказал Пух. — Я почему-то так думаю.

— Ты попробуй, — сказал неожиданно Пятачок, — а мы тебя тут подождем.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и скрылся в тумане. Отойдя шагов сто, он повернулся и пошел обратно.. И после того, как Пух и Пятачок прождали его двадцать минут, Пух встал.

— Я почему-то так и думал, — сказал Пух. — А теперь, Пятачок, пойдем домой.

— Пух!, — закричал Пятачок, дрожа от волнения. — Ты разве знаешь дорогу?

— Нет, — сказал Пух, — но у меня в буфете двенадцать горшков с медом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как следует их расслышать, потому что Кролик все время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то я думаю, Пятачок, я узнаю, откуда они меня зовут. Идем!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебивать горшки с медом, и вдруг он легонько пискнул..., а потом сказал: «О-о», потому что начал узнавать, где они находятся. Но он все еще не осмеливался сказать об этом громко, чтобы не испортить дело. И как раз в тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало невесело слышать, ли горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

— Ах, вы здесь, — сказал Кристофер Робин небрежно, стараясь сделать вид, что он несколько не волнуется.

— Мы здесь, — сказал Пух.

— А где Кролик?

— Я не знаю, — сказал Пух.

— Да! Ну, я думаю, Тигра его найдет. Он, кажется, пошел вас всех искать.

— Хорошо, — сказал Пух. — Мне нужно идти домой, чтобы подреветись, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подреветались и..

— Я вас провожу, — сказал Кристофер Робин. Он проводил Пука домой и пробыл там очень немного времени.

И все это время Тигра носился по лесу, громко рыла, чтобы скорее найти Кролика.

И наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик повернул на голос слова: туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру: в Тигру, который выскакивал — если он вообще выскакивал — гораздо лучше всех Тигрлов на свете.

— Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! — закричал Кролик.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой Пятачок совершает великий подвиг

На полпути от дома Винни-Пуха к дому Пятачка было Забывчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось пообщаться, и там было так тепло и тихо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься, Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Здесь любит Медведя

Порой посидать

И подумать:

«А чем бы такие заняться?»

Ведь он же — не Слон.

Поэтому он

Не может все время

Вез дела слоняться!

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветки, Пух и Пятачок сидели в Забывчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

— Я думаю, — сказал Пух, — что я думаю вот что: нам неплохо бы сейчас пойти на Пухову Опущу и повидать Иа, потому что, наверно, его дом снесло ветром и, наверно, он обрадуется, если мы его опять построим.

— А я думаю, — сказал Пятачок, — что я думаю вот что: нам неплохо было бы сейчас пойти и навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это нелай.

— Пойдем навестим всех-всех-всех, — сказал Пух, — потому что, когда ты долго ходишь по опушке, а потом вдруг заделаешь кого-нибудь навестить и он тебе скажет: «Привет, Пух! Вот встает! Как раз пора чем-нибудь подреветись!» — это всегда очень-очень приятно!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьезный повод — скажем, вроде организации Исследования, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно, мол.

— Мы пойдем, потому что сегодня четверг, — сказал он, — и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок!

Друзья встали, но Пятачок сразу же снова сел, потому что он не знал, какой сильный ветер.

И когда Пух помог ему подняться, они двинулись в путь. По дороге нервы потянулись им домик Пука, и можете себе представить, когда они пришли, жилили — знаешь или медвежонок Винни-Пух, — сказала дома и сразу же пригласил их войти и кое-чем подреветись. Потом они отправились в дом Кенги, держась друг за друга и крича: «Ну что, скажешь?», «Что, что?», «Я не слышу». И пока они добрались до Кенги, оба так замучились, что им пришлось задержаться у нее и еще раз покататься. Когда друзья вышли от нее, им показалось, что на дворе стало очень холодно, и они почесались со всех ног к домику Кролика.

— Мы пришли поздравить тебе Очень Приятного Четверга, — объявил Винни-Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и вылез наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не поехала).

— А что, собственно, происходит в Четверг? — спросил Кролик.

И когда Пух объяснил, что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: «А-а, А я думаю, что вы действительно пришли по делу», — Пух и Пятачок на минутку присели..., а потом поехали дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что им не надо было так орать.

— Вспомни — ты слышал! — гласила Пух и Пятачка.

— Да, — сказала Пятанок, — Кролик — он хитрый.

— У него настоящие Мозги.

— Да, — сказал Пятанок, — у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому, — сказал наконец Пух — наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает!

Кристофер Робин был уже дома, и он так обрадовался друзьям, что они пробили у него почти до обеда, и тогда они почти победили, то есть съели такой обед, о котором можно потом забыть! и поспешили на Пухову Опудку, чтобы успеть навестить Иа и не опоздать к Настоящему Обеду у Совы.

— Здравствуй, Иа! — весело окликали они вдали.

— А, — сказал Иа, — заблудились!

— Что ты! Нам просто захотелось тебя навестить, — сказал Пятанок, — и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он все еще стоит!

— Понимаю, — сказал Иа, — действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и связать его.

— Мы думали, — а вдруг его повалит ветром, — сказал Пух.

— Ах, вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себя утруждать. А я думал, что о нем просто позабыли.

— Ну, мы были очень рады повидать тебя, Иа, а теперь мы пойдем навестим Сову.

— Отлично. Сова несомненно очень мила. Она пролетела мимо дня-два назад и даже заметила меня. Она, конечно, не сказала мне ни слова, понятное дело, но она знала, что это я. Очень любезно с ее стороны. Согревает душу.

Пух и Пятанок отодвинулись немного назад и сказали: «Ну, всего хорошего, Иа», очень стараясь не спешить, но ведь им предстоял далекий путь, и они хотели прийти вовремя.

— Всего хорошего, — сказал Иа, — Смотри, чтобы тебя не унесло ветром, маленький Пятанок. Тебя будет очень не хватать. Многие будут с живым интересом спрашивать: «куда это унесло маленького Пятанка?» Ну, всего хорошего. Благодаря вас за то, что случайно проходили мимо.

— До свидания, — сказали Пух и Пятанок в последний раз и двинулись к дому Совы.

Теперь ветер дул или наветрелу, и уши Пятанка трепались, как флажки, изю всех сил стараясь улететь от козлина, с великим трудом продвигавшегося вперед. Ему казалось, прошли целые часы, пока он наконец заглянул свои уши под тучие своды Леса, где они снова выпрямлись и прислушались — не без волнения — к вою буре в верхних деревьях.

— Предположим, Пух, что дерево вдруг упадет, когда мы будем как раз под ним? — спросил Пятанок.

— Давай лучше предположим, что не упадет, — ответил Пух после некоторого размышления.

Это предложение утешило Пятанка, и спустя немного времени друзья весело, наперебей, стучали и звонили у двери Совы.

— Здравствуй, Сова, — сказал Пух, — я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать — как ты поживаешь, Сова? Мы с Пятанком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня Четверг.

— Садись, Пух, садись, Пятанок, — сказала Сова радушно, — Устраивайтесь поудобнее.

Они поблагодарили ее и устроились как можно удобнее.

— Понимаешь, Сова, мы очень спешили, чтобы поспеть вовремя к... ну, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдем.

Сова с достоинством кивнула головой.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — сказала она, — но не правда ли я, предполагая, что на дворе весьма бурный день?

— Вовсем, — сказала Пятанок, который тряс свои уши у эдак, мычал лишь о том, чтобы цыли и невредимыми вернуться домой.

— Я так и думала, — сказала Сова, — И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт, чей портрет ты видишь на стене по правую руку, Пятанок, — мой дядя Роберт, возвращался в подной час с... Что это?

Раздался страшный треск.

— Беремись! — закричал Пух, — Осторожно, часы! Пятанок, с дороги! Пятанок, я на тебя гадаю!

— Спасите! — закричал Пятанок. Пуховя сторона комнаты медленно поднималась вверх, его кресло съезжало вниз в направлении кресла Пятанка: стальные часы плавно скользили по лезвию, собирая по дороге цветочные вазы, и наконец, все и вся дружно рухнуло на то, что только что было полом, а сейчас старалось выскочить, как оно справится с ролью стены.

Дядя Роберт, который, по-видимому, решил превратиться в ковер и закатал с собой заодно знакомую стену, налетел на кресло Пятанка в тот самый момент, когда Пятанок хотел оттуда вылететь.

Словом, некоторое время было действительно нелегко определить, где север. Потом вновь послышался страшный треск... вся комната лихо радочно затряслась... и наступила тишина.

В углу зашевелилась скатерть. Она свернулась в клубок и перекачнулась через всю комнату. Потом она подошла раза два-три и выставила наружу два уха, вновь прожались по комнате и развернулись.

— Пух, — сказал нервно Пятанок.

— Что? — сказала одно из кресел.

— Где мы?

— Я не совсем понимаю, — отвечало кресло.

— Мы... мы в доме Совы?

— Наверно, да, потому что мы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

— Ох! — сказала Пятанок, — Слушай, у Совы всегда почтовый ящик был на потолке?

— А разве он там?

— Да, погляди.

— Не могу, — сказал Пух, — я лежу ногами вниз, и на мне что-то такое лежит, а в таком положении, Пятанок, очень трудно рассматривать потолок.

— Ну, вобщем, он там.

— Может быть, он переехал туда? — предположил Пух, — Просто для разнообразия.

Под столом в противоположном углу комнаты поднялась какая-то возня, и Сова опять появилась среди гостей.

— Пятанок! — сказала Сова с очень рассерженным видом, — Где Пух?

— Я и сам не совсем понимаю, — сказал Пух.

Сова повернулась на звук его голоса и строго посмотрела на ту часть Пуха, которая еще была на виду.

— Пух, — с упреком сказала Сова, — это ты наделал?

— Нет, — кратко сказал Пух, — не думаю, чтобы я.

— А тогда кто же?

— Я думаю, это ветер, — сказал Пятанок, — Я думаю, твой дом повалило ветром.

— Ах, вот как. А я думала, это Пух устроил.

— Нет! — сказал Пух.

— Если это ветер, — сказала Сова, думая вслух, — то тогда Пух не виноват. Ответственность не может быть на него возложена.

С этими милостивыми словами она встала, чтобы полюбоваться своим новым потолком.

— Пятанок, Пятанок! — позвал Пух громким шепотом.

Пятанок склонился над ним.

— Что, Пух?

— Что, она сказала, на меня воз-ло-жено?

— Она сказала, что она тебя не ругает.

— А-а, а я думаю, она говорила про... то, что на мне... А, понятно!

— Сова, — сказала Пятанок, — сойди вниз и помоги выбраться Пуху!

Сова, которая залюбовалась своим почтовым ящиком (а он был превосходный, и в двери была щель с надписью «Для писем и газет», только этой надписи сейчас не было видно, потому что она была снаружи) слетела вниз.

Вдвоем с Пятанком они дали толчки и дергали кресло, и наконец Пух вылез из-под него и смог опадаться.

— Да! — сказала Сова, — Прелестное положение вещей!

— Что мы будем делать, Пух? Ты можешь о чем-нибудь подумать? — спросил Пятанок.

— Да, я как раз думаю кое о чем, — сказал Пух, — Я думаю об одной маленькой вещице. — И он залез вернее, залезтел.

Пыхтеть/ю:

Я стал на ногу

И дернул на ногу

Задние лапки и все остальное...

Цирковой акробат!

Были бы этому рады,

Но Медведь — это дело иное!

И потом я говорил,

А сам притворялся,

Как будто решил отодвинуть средь дня,

И, лежи на полу,

Я вспомнил о Муле,

Но оно позабыла (Зояна (меня).

Что делать!...

Уж если,

Устроившись в кресле,

И то не всегда мы кладем спинам; —

Что же может вам спеть

Несчастный Медведь,

На котором Кресло уселось верным!

— Вот и всё! — сказал Пух.

Сова недобрительно кашлянула и сказала, что если Пух уверен, что это действительно все, то они могут посвятить свои умственные способности Гробнице Пацков. Выхода.

— Лбс! — сказала Сова. — мы не можем выйти посредством того, что обычно было наружной дверью На нее что-то упало.

— А как же еще можно тогда выйти? — тревожно спросил Пятачок.

— Это и есть та Проблема, Пятачок, решение которой я просила Пуха посвятить свои Умственные Способности.

Пух ушел на пол (который когда-то был стеной), и уткнулся на потолок (который некогда был другой стеной — стеной с наружной дверью, которая некогда была наружной дверью) и постарался посвятить им свои Умственные Способности.

— Сова, ты можешь взлететь к почтовому ящику с Пятачком на спине? — спросил он.

— Нет, — постеснялся сказал Пятачок, — она не может, не может!

Сова стала объяснять, что такое Необходимая или Соответствующая Спальная Мускулатура. Она уже объяснила это когда-то Пуку и Кристоферу Робину и с тех пор ожидала удобного случая, чтобы повторить объяснения, потому что это такая штука, которую вы спокойно можете объяснить два раза, не опасаясь, что кто-нибудь поймет, о чем вы говорите.

— Потому что, понимаясь Сова, если бы мы могли посадить Пятака в почтовый ящик, он мог бы проломиться сквозь щель, в которую приходят письма, и слезть с дерева и побежать за подмоной, — пояснил Пух.

Пятачок немедленно заявил, что он за последнее время стал ГОРАЗДО БОЛЬШЕ и вряд ли сможет пролезть в щель, как бы он ни старался.

Сова сказала, что за последнее время щель для писем стала ГОРАЗДО БОЛЬШЕ специально на тот случай, если придут большие письма, так что Пятачок, вероятно, сможет.

Пятачок сказал:

— Но ты говорила, что необходимая, как ее там называют, не выдержит.

Сова сказала:

— Не выдержит, об этом нечего и думать.

А Пятачок сказал:

— Тогда лучше подумаем о чем-нибудь другом. — и первым подал пример.

А Пух вспомнил тот день, когда он спал Пятака от потолка и все им так восхищались; и так как это выпадало ему не часто, он подумал, как хорошо было бы, если бы это сейчас повторилось, а — как обычно, неожиданно — ему пришла в голову мысль.

— Сова, — сказал Пух, — а что-то придумаю.

— Сообразительный и Изобретательный Медведь! — сказала Сова.

Пух приселся, услышав, что его называют Поразительным и Забредательным Медведем, и скромно сказал, что да, эта мысль случайно забрела к нему в голову.

И он изложил свою мысль.

— Надо привязать веревку к Пятаку и взлететь к почтовому ящику, держи другой конец веревки в клюве; потом надо просунуть бечевку сквозь проволоку и опустить ее на пол, а еще потом мы с тобой летим изю всех сил за этот конец. Пятачок потихоньку поднимется вверх на том конце — и дело в шляпе!

— И Пятачок в ящике, — сказала Сова. — Если, конечно, веревка не оборвется.

— А если она оборвется? — спросил Пятачок с неподдельным интересом.

— Тогда мы возьмем другую веревку, — утешил его Пух.

Пятачок это не очень обрадовал, потому что хотел рваться будет разные веревки, падать будет все тот же самый Пятачок, но, увы, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно попрощавшись со счастливым временем, проведенным в Лесу, с тем временем, когда его никто не подталкивал к потолкам на веревках, Пятачок храбро кивнул Пуку и сказал, что это Очень Умный Пип-пип-гип, Умный Пип-пип-план.

— Она не порвется — значит! обещало Пух, — потому что ведь ты Маленькое Существо, а я буду стоять внизу, а если ты нас всех спасешь — это будет Великий Подвиг, о котором долго не забудут, и может быть, а тогда сочини про это Песню, и все будут говорить: «Пятачок совершил такой Великий Подвиг, что Пуку пришлось сочинить Хаалевную Песню!»

Тут Пятачок почувствовал себя гораздо лучше, и, когда все было готово и он начал плавно подниматься к потолку, его охватила такая гордость, что он, конечно, закричал бы: «Вы поглядите на меня», если бы не опасался, что Пух и Сова, залюбовавшись им, выпустят свой конец веревки.

— Поехали, — весело сказал Пух.

— Подъем совершится по заранее намеченному плану, — обещало же заметила Сова.

Вскоре подъем был окончен. Пятачок открыл ящик и пролез внутрь, затем, отжавшись, он начал протискиваться в щель, сквозь которую в добрые старые времена, когда входные двери были входными дверями, входило, бывало, много неожиданных писем, которые хозяйка вдруг получала от некоей Совы.

Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на щель, он оказался снаружи.

Счастливым и изголодавшимся, он на минутку задержался у выхода, чтобы пропихать плечиками слова утешения и привет.

— Все в порядке! — закричал он в щель. — Твое дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть, и мы принесем канат для Пука и пойду и обожу ему сейчас, а вник я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь, я им с Кристофером Робинсом веревка приблизительно через полчаса. Пока, Пух! — И, не ожидая ответа Пука: «До свидания, Пятачок, спасибо, он исчез.

— Полнаас! — сказала Сова, устроившись поудобнее. — Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать. — повесть о дяде Роберте, ней подруги ты видишь венту под собой, милый Винни. Припомним сначала, на чем я останавлилась? Ах да! Была как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт... Пух закрыл глаза.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой Иа находит Совешник и Сова переезжает

Винни-Пух забрал в Дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево, а когда дом начинает так выглядеть значит, хозяйку пришлось время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Тайнаственное Спасаение, которое гласило:

Я иду новый адрес для

Совы ты тоже Кролик.

И, пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, пришел Кролик и прочел ему вслух.

— О и для остальных приготовил такое письмо, — сказал Кролик. — Распечатаю им, о чем речь, и все они тоже будут искать новый адрес, то есть дом для Совы. Извини, очень спешу, всего хорошего!

И он убежал.

Пух не спеша поглядел за ним. У него было дело посерьезнее, чем поиски нового дома для Совы: ему нужно было сочинить Хаалевную Песню — Кривилеу — про ее прежний дом.

Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чем он не говорит; и если кто-нибудь упоминал Песню (Кривилеу), или Деревья или Веревки, или Ночные Бури, Пятачок сразу рос розовел, начиная с кончика носа, и послышно заговаривал о нем-нибудь совсем другом.

«Но это не так-то легко, — сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда Домом Совы. — Ведь Поззик, Кривилеки — это не такие вещи, которые вы видите, когда хотите, это вещи, которые находят на вас и все, что вы можете сделать, — это пойти туда, где они могут вас настигн».

И Винни-Пух терпеливо ждал...

— Ну, — сказал он после долгого молчания, — я могу, пожалуй, начать: «Вот здесь лежит большущий ствол, потому что ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет. Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЯ:

(кривилеа)

Вот здесь лежит бальзающий ствол,

А он отпил вверх головою,

И в нем Медведь беседу вел

С его хвостиком (Своей)

Тогда не знал никто-никого,

Что вдруг случится ужас-что!

Уми! Секретней Урани

Взрывал — и повалил Коштан!

Другая мек! В тот страшный час

Никто-никого бы нас не спас

Никто бы нам бы не помог,

Когда б не Храбрый Пятачок!

— Сказал! — он громко прошепел. —

Друзья, скорей найдите тряс

(Допустим, полстенькикой илюлат,

А лучше — танецкой канит).

И знайте! Пусть дрожит Бейд,

Для Смысли выход есть всегда!

И вот герой вончасе овьес,

Туди, туди, ебе брезжил свет! —

Сказал, шель для Писем и Газет!

Хоть все от ужаса трясилось

И говорили «Оп» и «Ап» —

Перо был невесом страх!

О Храбры! ХРАБРЫЙ ПАТАНОК!

Дрожал ли он? О чем? О чем?

Нет, он влетел под паталок

И влез в «Для писем и газет».

Он далеко лез, но он пролез

И смело устремился в Дят!

Да он, как молния, мелькнул:

Крик! — Спасите! Карош!

Свет и Пух в плечу беда!

На помощь! Все-все-все сюда! —

И Все-Все-Все (кто Белотт мек)

Помчались, не жалея ног!

И вскоре Все-Все-Все пришли

(Не просто, а на помощь к нам),

И выход тут же им нашли

(Вернее, он нашелся сам).

Так слылся, слылся на века

Великий Подвиг Патачок!

— Вот, знаешь, как, — сказал Пух, пропел все это трижды. — Вышло же то, чего я ожидал, но что-то вышло. Теперь надо пойти и спеть все это Патачку.

«Я ищу новый подарок для Совы ты тоже Кролик».

— Что все это значит? — спросил Иа.

Кролик объяснил.

— А в чем дело с во старым домом?

Кролик объяснил.

— Мне никогда ничего не рассказывают, — сказал Иа. — Никто меня не информирует. В будущую пятницу, по моим подсчетам, исполнится семнадцать дней с тех пор, как со мной в последний раз говорили.

— Ну, семнадцать — это ты преувеличиваешь...

— В будущую пятницу, — пояснил Иа.

— А сегодня суббота, — сказал Кролик, — значит, всего одиннадцать дней. И, кроме того, я лично был тут неделю назад.

— Но беда не состоялась, — сказал Иа. — Не было обмена мнениями. Ты сказал «Здорово!» и причаился дальше. Пока в обдумывал свои ретлику, твой хвост мелькнул шагов за сто сюда на холмы. Я хотел было сказать: «Что? Что?» —, но понял, конечно, что уже поздно.

— Ну, я очень стеснялся.

— Должен говорить сперва один, потом другой, — продолжал Иа. — По порядку. Иначе это нельзя считать беседой. «Здорово!» — «Что, что?» На мой взгляд, такой обмен ретликами ничего не дает. Особенно если когда придет ваша очередь говорить, вы видите только хвост собеседника. И то еле-еле.

— Ты сам виноват, Иа. Ты же никогда ни к кому из нас не приходишь. Сидишь как сын в своем углу и ждешь, чтобы все остальные пришли к тебе. А почему тебе самому к нам не зайти?

Иа задумался.

— В таких словах, Кролик, пожалуй, что-то есть, — сказал он наконец. — Я действительно пренебрегал законами общекития. Я должен больше вращаться. Я должен отвечать на визиты.

— Правильно, Иа. Заходи к любому из нас в любое время, когда тебе захочется.

— Спасибо, Кролик. А если кто-нибудь скажет Грохому Голосом: «Спать Иа притащился!» — то ведь я могу и выйти.

Кролик нетерпеливо переминялся с ноги на ногу:

— Ну ладно, — сказал он, — мне пора идти. Я порядком занят сегодня.

— Всего хорошего, — сказал Иа.

— Как?, А всего хорошего! И если ты случайно набредешь на хороший дом для Совы, ты нам сообщи обязательно.

— Обещаю, — сказал Иа.

И Кролик ушел.

Пух разносил Патачка, и они вдвоем побрели снова в Дремучий Лес.

— Патачок, — застенчиво сказал Пух после того как они долго шли молча.

— Да, Пух!

— Ты помнишь, я говорил — надо сочинить Хахабуноу Песню (Крычалку) насчет Ты Знаешь Чего.

— Правда, Пух? — спросил Патачок, и носик его порозовел. — Ой, ну же! ты правда сочинишь?

— Она готова, Патачок.

Розовая креска медленно стала заливать ушки Патачка.

— Правда, Пух? — хрипше спросил он. — Про... про... тот случай, когда?... Она правда готова?

— Да, Патачок.

Кончик ушей Патачка запылал: он попытался что-то сказать, но даже после того, как он два раза прокашлялся, ничего не вышло. Тогда Пух продолжал:

— В ней семь строк.

— Семь? — переспросил Патачок, стараясь говорить как можно небрежнее. — Ты ведь не часто сочиняешь Крычалки в целых семь строк, правда, Пух?

— Никогда, — сказал Пух. — Я думаю, что такого случая никогда не было.

— А Все-Все-Все уже слышали ее? — спросил Патачок, нагнувшись остановившись лишь затем, чтобы поднять палочку и закинуть ее подальше.

— Нет, — сказал Пух, — Я не знаю, как тебе будет приятно: если я споею ее сейчас, или если мы подождем, пока встретим Вось-Вось-Вось, и тогда споем ее. Всем сразу.

Пятачок немного подумал.

— Я думаю, мне было бы всего приятнее, Пух, если бы ты спел ее мне сейчас..., а потом спел ее Всем-Всем-Всем, потому что тогда они ее услышат, а я скажу: «Да, да, Пух мне говорил», и сделали вид, как будто я не слушаю.

И Пух спел ему Хвалебную Песню (Кричанку) — все семь строк. Пятачок ничего не говорил — он только стоял и краснел. Ведь никогда еще никто не вел Пятачку, чтобы он «Славился, славился на весь!» Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строку еще раз, но он постеснялся. Это была та самая строка, которая начиналась словами: «О Храбрый, Храбрый Пятачок». Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удачно!

— Неужели я правда все это сделала? — сказал он наконец.

— Видишь, ли, — сказал Пух, — в поэзии — в стихах... Словом, ты сделала это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделала. Так считается.

— Ой! — сказала Пятачок, — Ведь я... мне кажется, я немножко дрожала. Конечно, только сначала. А тут говорится: «Дрожал ли он? О нет, о нет!» Вот почему я спрашиваю.

— Ты дрожал про себя, — сказал Пух, — А для такого Маленького Существа это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был храбрым!

Подойдя к бывшему дому Совы, они застали там Вось-Вось-Вось, за исключением Иа. Кристофер Робин всем объяснял, что делать, и Кролик объяснял всем то же самое на тот случай, если они не расслышали, и потом они все делали это. Они где-то раздобыли канат и вытаскивали стулья и кресла, и всемогущие из бывшего дома Совы, чтобы все было готово для переезда в новый дом. Кенга сваливала узоры и покрывала на Сову: «Я думаю, тебе не нужна эта старая грязная посудная тарелка. Провода? И половик тоже не годится, он весь дырявый», на что Сова с недогадливой отечью: «Конечно, он годится — надо только правильно расставить мебель! А это совсем не последнее попечение», а мот шалы!»

Крошка Ру поминуло что исчезал в доме, то появлялся оттуда верком на оверрадном предмете, который поднимали канатою, что несколько нервировало Кенгу, потому что она не могла за ним как следует присмотреть. Она даже накричала на Сову, заявив, что ее дом — это просто позор, так такая гримаса удивительно, что он не опровергнул дингера. Вы только посмотрите, как верно этот пункт просто умен! Там поначалу Сова удивилась и посмотрела, а потом саркастически засмеялась и объяснила, что это ее губка и что если уж не могут оглашать самую обычную губку от поганки, то в хорошие времена мы живем!...

— Ну и ну! — сказала Кенга

А Крошка Ру быстро вскачал в дом, лицом:

— Мне нужно, нужно посмотреть на губку Совы! Ах, вот она! Ой, Сова, Сова, это не губка, а класс! Ты знаешь, что такое класс, Сова? Это когда твоя губка вся раскле...

И Кенга сказала (очень постыдно): «Ру, малыш!» — потому что не полагается так разговаривать с тещ, что увидит написанное слово «губка».

Но все очень обрадовались, когда пришли Пух и Пятачок, и прекратили работу, чтобы немного отдохнуть и послушать новую Кричанку (Хвалебную Песню) Пуха. И вот, когда Все-Все-Все сказали, какая это хороша Хвалебная Песня (Кричанка), Пятачок небрежно спросил:

— Правда, хорошенькая песенка?

— Ну, а где же новый дом? — спросил Пух. — Ты нашла его, Сова?

— Она нашла название для него, — сказал Кристофер Робин, лениво пожевывая травинку. — Так что теперь ей не хватает только дома.

— Я назову его вот как, — важно сказала Сова и показала им то, над чем она трудилась: квадратную дощечку, на которой было нарисовано:

САВЕШНИК.

Как раз в этот завывающий момент кто-то выскочил из Чащи и налетел на Сову. Доска упала на землю, и к ней кинулись Пятачок и Ру.

— Ах, это ты, — сказала Сова сердито.

— Здравствуй, Иа, — сказал Кролик. — Наконец-то. Где же ты был?

Иа не ответил на них вполглаза.

— Доброе утро, Кристофер Робин, — сказал он толкнув Ру и Пятачка и усмехаясь на «Савешник». — Мы одни?

— Да, — сказала Кристофер Робин, слегка улыбаясь.

— Мне сказали — крылатая весть долетела и до моего углака Песа — серая лошадка, которая никому не нужна, — что Некая Особа ищет дом. Я нашел для нее дом.

— Молодец! — великодушно сказал Кролик.

Иа посмотрел на него через плечо и снова обратился к Кристоферу Робину.

— Между нами что-то такое было, — продолжал он прогибая шепотом, — но неважно. Забудем старые обиды и похлебанные хвосты. Словом, если хочешь, Кристофер Робин, иди со мной, и я покажу тебе дом.

Кристофер Робин вскочил на ноги.

— Идем, Пух! — сказал он.

— Идем, Тиграт! — крикнул Крошка Ру.

— Может быть, и мы пойдем, Сова? — сказал Кролик.

— Минутку, — сказала Сова, поднимая свою адресную дощечку, которая как раз освободилась.

Иа отрицательно покачал им передней ногой.

— Мы с Кристофером Робинем отправляемся на прогулку, — сказал он. — На прогулку, а не на толкучку! Если он хочет взять с собой Пуха и Пятачка в буди рад их обществу, но надо, чтобы мы могли дышать.

— Ну что ж, отлично, — сказал Кролик, сообразив что ему наконец-то представился случай как следует покомандовать.

— А мы продолжим выгрузку. За дело, друзья! Эй, Тигра, где канат? — что там такое, Сова?

Сова, только что обнаружившая, что ее новый адрес превратился из «Савешника» в «чужак», неподобие губки, строго кашлянула в сторону Иа, но ничего не сказала, и Ослик, унося на себе значительную часть «Савешника», побрел след за своими друзьями.

И вскоре все они подошли к дому, который нашел Иа, но еще до того, как он показался, Пятачок стал подталкивать локтем Пуха, а Пух — Пятачка, они толкались и говорили друг другу: «Это он!», — «Не может быть!», — «Да я тебе говорю, это он!»

А когда они пришли, это был действительно он.

— Вот! — гордо произнес Иа, останавливаясь перед домом Пятачка. — И дом, и табличка с надписью, и все прочее!

— Ой, ой, ой! — крикнул Кристофер Робин, не зная, что ему делать — смеяться или плакать.

— Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? — спросил Иа.

И тут Пятачок совершил Благородный Поступок. Он совершил его как бы в полусне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые слышал про него Пух.

— Да, это самый подходящий дом для Совы, — сказал он великодушно. — Я надеюсь, что она будет в нем очень счастлива. — И он два раза проглотил слюночку, потому что ведь и он сам был в нем очень счастлив.

— Что ты думаешь, Кристофер Робин? — спросил Иа не без гордости в голосе, чувствуя, что тут что-то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос, и он не знал, как его задать.

— Ну, — сказал он наконец, — это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалило ветром, ты должен куда-нибудь переехать. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни-Пух.

— Он бы переехал ко мне и жил бы со мной, — сказал Пух. — Правда же, Пятачок?

Пятачок покал его лапу.

— Спасибо, Пух, — сказал он. — С большой радостью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой мы оставляем Кристофера Робина и Винни-Пуха в зачарованном месте

Кристофер Робин куда-то уходил. Совсем. Никто не знал, почему он уходит; никто не знал, куда он уходит; да, да — никто не знал даже, почему он знает, что Кристофер Робин уходит. Но — по той или по иной причине — все в Лесу чувствовали, что это в конце концов должно случиться. Даже Сивка Бухарка, самый крошечный Рождественник и Знакомый Кролик, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, но был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться, — даже С. Б. сказал себе, что Положение Дел меняется, а Рано и Поздно (два других Рождественника и Знакомых) сказали друг другу: «Ну, Рано?» и «Ну, Поздно?»

— таким баззидажним голосом, что было ясно — ожидать ответа нет никакого смысла.

И однажды, почувствовав, что он больше ждать не может, Кролик составил Сообщение, и вот что в нем говорилось:

Сообщение все-все-все встречается возле дома на Пуховой опушке гравитируют: Лизорцию слева по порядку номеров подлился Кролик.

Ему пришлось переписать это раза два-три, пока он сумел заставить «лизорцию» выглядеть так, как ей полагалось выглядеть с точки зрения Кролика; зато когда наконец этот труд был окончен, он обожал всех и всем прощал свои произведения вслух. Все-Все-Все сказали, что правду.

— Ну, — сказал Иа-Иа, увидев процессию, направляющуюся к его дому, — это действительно сюрприз. А я тоже приглашен? Не может быть!

— Не обращай внимания на Иа, — шепнула Кролик Пуху. — Я ему все рассказал еще утром.

Все спросили Иа, как он поживает, и он сказал, что никак, но о чем говорить, и тогда все слили, и как только все услыши, Кролик снова встал.

— Мы все знаем, почему мы собрались, — сказал он, — но я прошу моего друга Иа...

— Это я — сказал Иа — Звучит неплохо!

— Я прошу его предложить Лизорцию.

И Кролик сел.

— Ну дай-ка Иа, — сказал он.

— Прошу не торопить меня, — сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь. — Прошу не удаложивать.

Он вынул из-за уха свернутую трубочкой бумагу и не спеша развернул ее.

— Об этом никто ничего не знает, — продолжал он, — это Сюрприз.

С достоинством отшвырнувшись, он снова заговорил.

— Словом, в общем и целом и так далее и тому подобное, прежде чем я начну, или, пожалуй, лучше сказать, прежде чем я кончу, я должен вам представить Политическое Произведение: Доселе... доселе — это трудное слово, означающее... Ну, вы сейчас узнаете, что оно означает. Доселе, как я уже говорил, доселе всея Поззия в Лесу создавалась Пухом, Медведем с милым характером, но разительным недостатком ума. Однако Позма, которую я нинеревнось прочесть вам сейчас, была создана Иа-Иа, то есть мною, в часы досуга. Если кто-нибудь отберет у младенца Ву орсми, я также разбудит Сову, чьи все писания насладится этим творением. Я называю его даже Стихотворением.

СТИХОТВОРЕНИЕ

СОЧИНИЛ ОСЕЛ ИА-ИА

Кристофер Робин уходит от нас.

По-моему, это факт.

Куда?

Никто не знает.

Но он уходить уже!

Дё, он нас покидает.

(Вот рифма к слову «покидает».)

Мы все задумали

(Тут рифма к слову «думали».)

Нам всем и правда грустно.

Терпеть все это трудно.

(Неплохо?)

(Так и нет рифмы к слову «факт», Досадно!)

(А ведь теперь нужно еще рифму к слову

«Досадно», Досадно?)

(Пусть эти два «досадно» рифмуют друг

с другом, ладно?)

Я вижу —

Не так-то легко написать

Очень хорошую строку.

И лучше бы все

Сидело молчать.

Но ладно

Поставить точку.

Нет!

Кристофер Робин,

Мы все здесь твои

Друзья...

(Не так?)

Мы все здесь друзья

(Так? Снова не так?)

В общем,

Прими на прощанье от всех

Пожелание успеха...

(Не так?)

Прими пожелание успехов!

От всех!

(Фу ты, вот неуклюжие слова,

Что-нибудь всегда получится не так!)

Спасибо,

Мы все тебе за внимание.

Ты молодец!

КОНЕЦ

— Если кто-нибудь намерен аплодировать, — сказал Иа, прочитав все это, — то время настало.

Все заклопали.

— Благодарю вас, — сказал Иа, — я приятно удивлен и тронут, хотя, возможно, аплодисментами и не хватает звучности.

— Эти стихи гораздо лучше моих, — с восторгом сказал Винни-Пух. И он действительно был в этом уверен.

— Что ж, — сороконою обьянил Иа. — Так и было задумано.

— Лизорция, — сказал Кролик, — такж, что мы все это подлишем и отнесем Кристоферу Робину.

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Паталок, Иа, Кролик, Книга, Большая Клякса (это была подпись Тигри) и Три Маленькие Кляксы (это было подписи Крошки Ру).

И Все-Все-Все отправились к дому Кристофера Робина.

— Здравствуйте, друзья! — сказала Кристофер Робин. — Здравствуй, Пух!

Все они сказали: «Здравствуй», и вдруг всем стало как-то грустно и не по себе — ведь получалось, что они пришли прощаться, а им очень-очень не хотелось об этом думать. Они беспомощно сбивались в кучу, ожидая, чтобы заговорил кто-нибудь другой, и только подталкивали друг друга, шепча: «Ну, давай ты», и мало-помалу вперед вытесняя Иа, а все остальные столпились за ним.

— В чем дело, Иа? — спросил Кристофер Робин.

Иа покачал хвостом, очевидно желая себя подбодрить, и начал:

— Кристофер Робин, — сказал он, — мы пришли, чтобы сказать, чтобы передать... как это называется... сочинил один... но мы все — потому что мы слышали... я хочу сказать, мы все знаем, ну, ты понимаешь сам... Мы... Ты... Короче, чтобы не тратить много слов, вот! — Он сердито оглянулся на остальных и сказал: — Веси лес тут! собираю! Совершенно нечем дышать! В жизни не видел такой бессмысленной толпы животных, и главное, все не там, где надо. Неужели вы не понимаете, что Кристоферу Робину хочется побить одному? Я пошел! И он поспежал прочь.

Сами короче-нечо не понимая послуху, остальные тоже каналы раскодились и когда Кристофер Робин закончил чтение Стихотворения и поднял глаза, собираясь сказать «спасибо», перед ним был один Винни-Пух.

— Это очень трогательно! — сказал Кристофер Робин, складывая бумажку и убирая ее в карман. — Поладен, Пух. — И он быстро зашагал по дороге.

— Куда мы идем? — спросил Пух, стараясь постыть за ним и одновременно понять, что им предстоит — Исследия или еще какое-нибудь. Я не знаю что.

— Никуда, — сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда и, после того как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну, — ответил Пух, — я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мед — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты примешься за мед, когда еще приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется. И еще он подумал, что играть с Кристофером Робинком тоже очень приятное дело, и играть с Пятачком — это тоже очень приятное дело, и вот когда он все это обдумал, он сказал:

— Что я люблю больше всего на всем свете — это когда мы с Пятачком придём к тебе в гости и ты говоришь: «Ну как, не пора ли подариться?», а я говорю: «Я бы не возражал, а ты как, Пятачок?», и день такой шумелочный, и все птицы поют, а ты что больше всего любишь делать?

— Это все я тоже люблю, — сказал Кристофер Робин, — но что больше всего я люблю делать — это...

— Ну, ну?

— Ничего.

— А как ты это делаешь? — спросил Пух после очень продолжительного размышления.

— Ну вот, спроси, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: «Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?», а ты говоришь: «Да ничего», а потом идёшь и делаешь.

— А, понятно! — сказал Пух.

— Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничевоаное дело.

— Понятно! — повторил Пух.

— Например, когда просто гулишь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чем не заботишься.

— А-а! — сказал Пух.

Они шли, думая о Том и о Сеи, и постепенно они добрались до Зачарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой вершине холма. Там росло шестьдесят с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место зачаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев — шестьдесят три или шестьдесят четыре, даже если он правтывал к каждому сосчитанному дереву кусочек бечевки.

Как полагается в Зачарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие колосники и папоротники и лежали монетки; здесь она росла ровной-ровной зеленой травкой, гладкой, как газон.

Это было единственное место в Лесу, где можно было сесть спокойно и посидеть и не надо было почти сразу же вскакивать в поисках чего-нибудь другого. Наверно, потому что на Капитанском Мостике вы видели все-все на свете — во всяком случае до того самого места, где, как кажется, небо сходится с землей.

И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуу всекие интересные вещи — про людей, которых называют Королями и Королевами, и про еще каких-то, которые называются Купцами, и про то место, которое называется Герола, и про потерянный остров посреди моря, куда не приходит корабли, и как сделать Насос (если нужно), и как в Рыцарей посвящали, и какие товары мы получаем из Бразилии, а Винни-Пух, прислонившись спиной к одному из шестидесяти с чем-то деревьев и сложив лапки на животике, говорит: «О-о-о, и «А-а, понятно, и «Не может быть», и думал о том, как было бы чудесно, если бы в голове у него были не опилки, а настоящий ум. И мало-помалу Кристофер Робин рассказывал все, что знал, и затил и сидел, глядя с Капитанского Мостика на весь Белый Свет и желая, чтобы так было всегда.

А Пух продолжал размышлять. И вдруг он спросил Кристофера Робина:

— А это очень хорошо, когда тебя посвящают?... В эги... Ну, как ты говоришь?

— Чего? — спросил Кристофер Робин нехотя, словно прислушиваясь к кому-то другому.

— Ну, в эги... на лошадей, — объяснил Пух.

— Посвятят в Рыцари?

— Ах, вот как это называется, — сказал Пух.

— А я думаю, это плохо... Ну, ладно. Они не хуже Короля и Купца и всех остальных, про которых ты говоришь?

— Ну, поменьше Короля, — сказал Кристофер Робин, и тут же, заметив, что Пух кажется, огорчен, он поспешно добавил: — На побольше Купца!

— А Медведя тоже может стать им?

— Конечно, может! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя сейчас посвящу.

Он взял палочку и, слегка ударив Винни-Пуха по плечу, сказал:

— Встань, сир Винни-Пух де Медведь, вернейший из моих рыцарей!

Понятно, Пух встал, а потом оглял себя и сказал: «Спасибо», как полагается говорить, когда тебя посвящают в Рыцари. И незаметно он снова задумался, и во сне он и Сэр Насос, и Сэр Остров, и Купцы жили все вместе, и у них была Лошадка, и все они были верными Рыцарями доброго короля Кристофера Робина (все, кроме Купца, которые сносили за Лошадкой). Правда, время от времени он качал головой и говорил про себя: «Я что-то перепутал». А потом он начал думать обо всех вещах, которые Кристофер Робин закончил рассказывать ему, когда вернется оттуда, куда собрался уходить, и как тогда трудно будет бедному Медведю с опилками в голове ничего не перепутать.

«Я тогда, наверно, — грустно сказал он про себя. — Кристофер Робин не законит мне ничего больше рассказывать. Интересно: если ты Верный Рыцарь, неужели ты должен быть только верным, и все, а рассказывать тебе ничего не будут?»

Тут Кристофер Робин, который все еще сидел в пространстве, подперев голову рукой, вдруг экикнул его:

— Пух!

— Что? — сказал Пух.

— Когда я буду... Когда... Пух!

— Что, Кристофер Робин?

— Мне теперь не придется больше делать то, что я больше всего люблю.

— Никогда?

— Ну, может, иногда, но не все время. Они не позволяют.

Пух ждал продолжения, но Кристофер Робин опять замолчал.

— Что же, Кристофер Робин? — сказал Пух, желая ему помочь.

— Пух, когда я буду... ну, ты знаешь... когда я уже не буду ничего не делать, ты будешь иногда приходить сюда?

— Именно?

— Да, Пух.

— А ты будешь приходить?

— Да, Пух, обязательно. Обещаю тебе.

— Это хорошо, — сказал Пух.

— Пух, обещаю, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда. Даже когда мне будет сто лет.

Пух немного подумал.

— А сколько тогда мне будет?

— Девяносто девять.

Винни-Пух охнул.

— Обещаю, — сказал он.

Все еще глядя вдаль, Кристофер Робин протянул руку и показал лапу Пуха.

— Пух, — серьезно сказал Кристофер Робин, — если я... если я буду не совсем такой... — Он остановился и попробовал выразиться иначе. — Пух, ну, что бы ни случилось, ты ведь всегда поймешь. Правда?

— Что пойму?

— Ничего, — Мальчик засмеялся и всколыхнул лапы. — Пошли.

— Куда? — спросил Винни-Пух.

— Куда-нибудь, — сказал Кристофер Робин.

И они пошли, но куда бы они ни шли и что бы ни случилось с ними по дороге, — здесь в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком.

21

26733

417

266

253

178

167

192

Добавлено на полку

Удалено с полки

Доступны книги

- [ВКонтакте](#)
- [Синхронизация](#)
- [Telegram](#)
- [Email](#)
- [WhatsApp](#)

Подтвердите оценку

Оценка: 4.9 / 5. Количество оценок: 653

Пока нет оценок

Помогите сделать материалы на сайте лучше для пользователей!

Напишите причину низкой оценки.

Отправить

Пройди интересные задания по прочитанной книге!

Интерактивные задания

Викторина

Книга в разделе:

сказки для 4-5 лет про детей про животных 2 класс сказки

Предлагаем почитать:

3 ч

Лопе Веллер: Лис и волк

Успенский Э.Н.

51 мин

Ракко-Тучка-Тучка

Крипкевич Р.

23 мин

Обыкновенная сказка

Мамин-Абам

27 мин

Почини Кролика

Мамин-Абам

16 мин

Почини котика, который не умеет смеяться

Мамин-Абам

6 мин

[Небасных спешит](#)

[Алексеев С.](#)

8 мин.

[Лесникова](#)

[Мастер А.](#)

4 мин.

[Шуба](#)

[Алексеев С.П.](#)

4 мин.

[Не могу писать](#)

[Алексеев С.П.](#)

6 мин.

[Погляди](#)

[Белкина В.В.](#)

10 мин.

[Как я хотел забраться на крышу написать](#)

[Белкина В.В.](#)

2 мин.

[Мам, аа уааа](#)

[Белкина В.В.](#)

1 м.

[Ситниченко и Голыш](#)

[Алексеев А.Г.](#)

2 м.

[Портрет ребенка](#)

[Алексеев А.Г.](#)

5 м.

[Кот сидит. Сид. Девочка. Кот](#)

[Алексеев А.Г.](#)

10 мин.

[Волк вернулся в клетку](#)

[Чистова В.В.](#)

30 мин.

[Вракоины](#)

[Чистова В.В.](#)

11 мин.

[Как старикан и лиса ждали](#)

[Чистова В.В.](#)

6 мин.

[Рейс «Одесситов»](#)

[Богданова В.О.](#)

Отправить

Подтвердить

 Оплата наличными

Bau e-mail

References

 Springer

Case summary

1998

Development of a scale

скаждено с 1000 до

